

Арина Теплова

18+

A man and a woman in historical winter clothing standing in a snowy forest. The man is wearing a dark, double-breasted coat with gold buttons and a white shirt. The woman is wearing a tan cape with a fur collar, a blue skirt, and a hat with a large feather. She is also wearing long gloves and a ring. The background shows a snowy landscape with trees and mountains.

ПЛЕННИЦА

Талисманы судьбы

Арина Теплова

Пленница

«Автор»

2022

Теплова А.

Пленница / А. Теплова — «Автор», 2022 — (Талисманы судьбы)

1773 год. Первая красавица Петербурга Варенька Андреевская без памяти влюблена в поручика Алексея Олсуфьева, ее мечта — выйти за него замуж. Уверенная в своей неотразимости своенравная гордая красавица предлагает Алексею венчаться. Но молодой щеголь не разделяет чувств девушки и дерётся на дуэли из-за другой дамы. В наказание Олсуфьева ссылают на каторгу в Сибирскую губернию. Несмотря на запрет отца, Варя отправляется вслед за любимым в далекий Кунгур, надеясь заслужить его любовь. В суровом крае, где царят военные порядки, девушка неожиданно попадает в передрагу – на ее карету нападают местные лихие людишки, намереваясь ограбить ее и убить. Каждая книга в серии "Талисманы судьбы" является самостоятельной историей, возможно прочтение книг в разном порядке.

© Теплова А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть первая. Каменное царство	6
Глава I. Чудотворная икона	7
Глава II. Бал	11
Глава III. Дуня	17
Глава IV. Кунгур	21
Глава V. Барынька	28
Глава VI. Олсуфьев	34
Глава VII. Красная горка	40
Глава VIII. Пожар	46
Глава IX. Каторжник	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Арина Теплова

Пленница

Несчастливая любовь как проклятье... Хочется забыть, убежать, никогда не видеть объект своего обожания. Но все твоё существо словно приковано нерушимыми железными оковами к тому, кто навсегда забрал твоё сердце...

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Не знатен я, не славен, —
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен, —
За что меня любить?

Я плакал, ты смеялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горячих,
Желать конца – прости!

Н. Карамзин

Часть первая. Каменное царство

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры
Чтоб ты владела мной одна...

Русская народная песня

Глава I. Чудотворная икона

Москва, Китай-город,

1771 год, Сентябрь

– А ну прочь с дороги! – раздался позади Вареньки грозный низкий голос. И тут же коренастый страшный мужик со злым лицом подстегнул лошадь, запряженную в телегу.

– Осторожнее, Варвара Дмитриевна, – заметила Матрёна и, ухватив девушку за локоть, подтянула ее ближе к себе.

Девушки проворно отошли в сторону, прижимаясь к домам, уступая дорогу большой телеге, запряженной дряхлой лошадью, которая проехала мимо. За телегой следовали четыре каторжника в черных робах, которые в руках держали железные палки-крюки. Мешки-коллапаки на их лицах имели прорезы для глаз и ртов. Замерев от ужаса, девушки оглядели телегу, доверху наполненную обезображенными чумой трупами.

В следующий миг Варя вздрогнула от сильного звона колокола, который разносился страшными громовыми ударами по всей округе.

– Слышите, барышня, опять в набат бьют! – с тревогой выпалила горничная, опасливо оглядывая неприглядную узкую улицу, которая вела в сторону Кремля, и посматривая на многочисленных мужиков, проходивших мимо. У некоторых из них за пазухой виднелись палки.

– Сколько народу, – бросила Варенька, поежившись. – Как бы нам до чудотворной иконы поскорей дойти.

– Домой, наверное, нам лучше вернуться, Варвара Дмитриевна!

– Нет, Матрёна. Мы только к иконе приложимся и сразу домой, не бойся, – пролепетала девушка, таща за собой горничную и протискиваясь вперед по грязной дороге, уворачиваясь от многочисленного гудящего простого народа, который двигался по улице наравне с ними.

– Говорила я вам, барышня, что не дело это, идти одним! Ведь батюшка запретил вам! – не унималась, ворча, Матрёна, но все же шла вслед за Варей.

– Матушка так больна. А вдруг чудная икона поможет, и зараза отступит? – бросила ей через плечо девушка.

Колокол на Спасской башне Кремля бил все тревожнее, и девушки, прижимаясь друг к другу, пробирались к заветной цели.

В те тревожные дни в Москве было беспокойно и страшно. По всему городу и окрестностям свирепствовала чума, занесенная в Российскую империю солдатами после русско-турецкой войны. Тысячи жителей умирали в городе ежедневно. Черный дым от костров, которыми окурился от заразы воздух, охватил почти все кварталы и улицы. Во многих монастырях были открыты чумные лазареты и больницы. Власти города не могли справиться с ситуацией и остановить распространение страшной болезни, оттого бежали из Москвы в свои загородные имения и другие города, как и многие помещики.

Теперь городом, охваченным чумой, управляли военные во главе с генералом Еропкиным, пытаясь хоть как-то контролировать ситуацию. Для сбора и вывоза трупов были пригнаны колодники, осужденные на каторгу. Они обходили город и собирали на повозки трупы прямо с улиц и из домов, зараженных чумой, а затем свозили их на кладбища и зарывали в общих могилах без отпевания. Умерших, не успевали хоронить, а безвластие породило мародерство.

Семейство Вареньки Андреевской было одним из немногочисленных дворянских родов, которые еще не покинули чумной город и надеялись на то, что страшная болезнь не затронет их дом. Однако на прошлой неделе заболела чумой ее мать. Услышав от людей, что есть некая чудотворная икона Боголюбской Богоматери у Варварских ворот, дарующая исцеление, девушка решила отправиться к ней и помолиться. Сегодня, несмотря на строгий запрет отца,

Варя, взяв с собой лишь свою горничную Матрёну, тайком улизнула из дома и направилась к Кремлю, где находилась икона Богоматери.

– О Боже! – вскрикнула испуганно Матрёна, нечаянно запнувшись за некоего человека в рубище, что полулежал на мостовой. Старик поднял на них лицо, обезображенное черной язвой, и простонал.

Девушки вскрикнули от ужаса и шарахнулись от него, поспешив быстрее вперед. Наконец они достигли окраины площади, и перед их взорами предстала огромная толпа. Вся площадь была заполнена недовольно гудящим разномастным народом. Некоторые горожане размахивали палками и топорами. Ворота в Кремль были настежь распахнуты, и девушки с ужасом увидели разъяренных мужиков, которые громили лавки и охранные посты.

– Барышня, надо идти домой! Я боюсь! – завопила горничная, схватив девушку за руку.

– А как же икона? – несчастно вымолвила Варя.

– Спрятали нашу икону! – раздался сбоку от них скрежещущий низкий голос старухи в рубище, которая зло окинула взглядом Варю, одетую в простое платье из дорогой ткани. – Этот проклятый епископ не даст увидеть нашу заступницу! Ну шас мужики ему покажут!

Девушки переглянулись, не понимая, что им делать. Не прошло и пяти минут, как на площади началась толчея и неразбериха.

– Сбежал! Сбежал епископ! Найти его! – кричали со всех сторон мужики, размахивая топорами и палками.

Епископ Амвросий, опасаясь еще большего распространения «черной смерти», запретил людям прикладываться к чудотворной иконе и для верности приказал снять Боголюбскую Богоматерь с ворот Кремля. Именно это и послужило поводом для яростного недовольства народа и последующих беспорядков в городе. Узнав, куда увезли чудотворную икону, разъяренная толпа хлынула в сторону Донского монастыря. На площади началась страшная давка, людская масса через пару минут стала неуправляемой.

Непонятно как Вареньку оттеснили далеко назад к домам, и она потеряла из виду Матрёну. Ее испуганный возглас с именем горничной утонул в многочисленном шуме взбудораженных голосов. Она испуганно озиралась по сторонам. Со всех сторон ее толкали и пихали люди с недовольными перекошенными злобой лицами. Варя пыталась сопротивляться, но все же оказалась вовлеченной в кричащий неумолимый людской поток. Сильно испугавшись разъяренных диких людей, которые, хаотично перемещаясь из стороны в сторону, громили все на своем пути, девушка попыталась свернуть направо, на соседнюю улицу, но ее вмиг притиснули к телеге с хворостом, едва не раздавив. Варенька закричала от боли, чувствуя, как на нее надавил грузный мужик, который пытался протолкнуться вперед.

– Чего орешь дура?! – прохрипел мужик, сверкая на нее недовольным взглядом. Вареньке удалось повернуться к нему лицом, и она испуганно прижалась к телеге. – Чего встала? Проходи! Всех бы вас, богачей...

Девушка испуганно замотала головой, видя, как страшный мужик с перекошенным от злобы лицом занес над ней руку с палкой.

– А ну не тронь ее! – раздался громовой голос рядом, и в следующий момент какая-то сила отдернула угрожающего мужика назад. Варя расширившимися от испуга глазами увидела, как высокий человек в темных неприглядных одеждах, ударив в лицо напавшего на нее мужика, отшвырнул его в сторону скобяной лавки. Тут же сильная рука мужчины, который вступился за нее, ухватила девушку за плечо и дернула ее в сторону. Варя отлетела за телегу, уткнувшись в стену дома, и резко обернулась, ничего не понимая.

– Здесь стойте, – разобрала она слова бородатого молодого человека в коротком простом кафтане, который спас ее от кровожадного мужика. Он встал между ней и потоком людей, и его высокое мощное тело, как бы отгородило девушку от кричащих, толкающихся людей. Округлившимися глазами Варенька, ничего не понимая, смотрела на человека, что стоял к

ней лицом всего в двух шагах. Он с силой держался одной рукой за телегу, а другой упирался в стену дома чуть выше ее плеча. Она видела, что он получал по спине болезненные удары, люди, работая локтями, пытались протиснуться вперед, но незнакомец не позволял обезумевшей толпе придавить ее.

Прошло не более четверти часа, и Варя наконец ощутила, что может дышать свободно. Она подняла глаза на мужчину, который, словно стена, закрывал ее от дико кричащего людского потока. Его лицо, довольно молодое, с темной небольшой густой бородой и с яркими зелеными глазами, показалось ей суровым и неприятным. Увидев его пронзительный изучающий взор, направленный на ее лицо, девушка сжалась от неприятного озноба и сильнее вжалась в стену дома. Она не могла разгадать взгляд молодого человека в силу своей наивности и неопытности, но отчего-то подсознательно ощутила, что от этого мужчины исходит некая опасная сила.

Не понимая, зачем этот незнакомец защищает ее, Варя вновь перевела взгляд за его широкую спину и отметила, что поток разъяренных людей стал реже. Ощувив сильный запах пота, исходящий от мужчины, девушка брезгливо поморщилась, более не осмеливаясь поднимать глаза на незнакомца. Эта ситуация была ей противна и омерзительна. Она совершенно не хотела, чтобы этот крестьянин или мещанин спасал ее. Это было как-то глупо и неуместно, по ее мнению. Но Варенька осознавала, что мужчина защитил ее. И, возможно, она осталась цела и не пострадала только благодаря ему. Видя, что людей на улице стало совсем мало, девушка вновь взглянула на мужчину и быстро произнесла:

– Благодарю, далее я сама...

Она почти невежливо оттолкнула его руку, которая была справа от ее головы. Он тотчас же опустил ладонь и чуть посторонился. Варя вихрем устремилась через улицу, оглядываясь по сторонам и мучительно желая увидеть зеленое платье горничной.

Матвей долго настойчиво смотрел вслед юной девушке, которая, подняв длинный подол дорогого платья, лихорадочно перемещалась среди людей, до тех пор пока не потерял ее из виду.

Еще полчаса назад он заметил ее на противоположной стороне улицы. Молоденькая, темноволосая, стройная, с нежным цветом лица и алыми губами барышня тут же привлекла его внимание. Они с Устиновым стояли у домов, которые примыкали к площади, дожидаясь своего мастерового. Едва Матвей разглядел девушку, как удивленно вперился заинтересованным взглядом в эту юную прелестницу. Девушка была со своей служанкой и как будто оказалась здесь случайно. И Матвей уже не мог выпустить это чудесное существо из поля зрения. На вид ей было лет шестнадцать. Среднего роста, грациозная, в темно-синем платье со шляпкой, эта юная девица сразу же заинтересовала его, и он с настойчивостью разглядывал ее долгое время. Позже он увидел, как толпа, которая уже возвращалась из Кремля, увлекла девушку назад. Затем началась давка. Он отметил, что ее оттеснили к домам, и она закричала. Какое-то странное чувство завладело им – недолго думая, молодой человек поспешил на противоположную сторону бурлящей от народа улицы и оттолкнул грузного мужика, который хотел ударить ее.

Матвей помотал головой и нахмурился, пытаясь воссоздать перед глазами прелестное лицо девушки с золотыми глазами, которая только что была так близко от него. Молодой человек прекрасно понимал, что он простой приказчик на заводе и не может даже мечтать о подобных барышнях в шелках и бархате. Ибо никогда ни одна из них, не опустится до простого мужика, такого как он.

Варя, спотыкаясь о подол юбки и озираясь по сторонам, вдруг налетела на некоего господина.

– Варенька! Наконец-то я тебя нашел! – воскликнул Николай и схватил ее за руку. – Зачем ты ушла? Ты видишь, что творится на улицах!

– Ох, братец! – единственное, что пролепетала девушка и уткнулась пугливо в его широкую грудь. Он обнял ее и быстро произнес:

– Пойдем скорее домой. Мы должны сегодня же уехать из Москвы.

– Но матушка, она же больна.

– Вот именно, из-за нее. Алексей сказал, что императрица направила войска из столицы. И, возможно, уже завтра город будет закрыт. Тогда мы не сможем вырваться из этого логова чумы. Надо поспешить...

Глава II. Бал

Санкт-Петербург, особняк князей Хованских,
1772 год, Октябрь

Кокетливым взором Варенька прошла по лицу молодого человека, который стоял рядом с нею, отцом и братом, и быстро опустила глаза. Поручик Алексей Олсуфьев был вызывающе красив. Его статная фигура, военная выправка и надменный взгляд серых глаз приводили девушку в смятение и неведомое доселе волнение. Алексей Иванович происходил из знатного рода, в свои двадцать пять лет уже имел несколько боевых наград и славился на весь Петербург умением с легкостью завоевывать расположение женщин. Он был сослуживцем ее брата Николая. Варенька была знакома с поручиком всего пару месяцев, однако уже все мечты и помыслы девушки были заняты лишь молодым человеком.

– Алексей Иванович, а вы были представлены императрице? – обратилась Варя к Олсуфьеву, вновь обратив заискивающий светлый взор на поручика, решив привлечь его внимание. Алексей оторвался от созерцания дам напротив и снисходительно посмотрел на девушку. Пожав плечами, он монотонно заметил:

– Да. В прошлом году на рождественском приеме в Зимнем.

Чуть прищурившись, Олсуфьев окинул взглядом юную красавицу со смолянными волосами и кокетливой чарующей улыбкой. Варенька была невероятно хороша. С нежной персиковой кожей, ямочками на щеках и пухлыми красиво очерченными губами. Ее глаза, золотые, необычные и яркие, с поволокой, словно у тигрицы, с темными пушистыми ресницами лишь на мгновение задержали его внимание. Но уже в следующий момент он холодно произнес, обращаясь к другу:

– Николя, прости, я должен поздороваться с Чернышевым, сто лет его не было видно.

– Я с тобой, – поддержал товарища Николай.

Олсуфьев быстро поклонился Варе и ее отцу и направился с молодым Андреевским в противоположный конец бальной залы.

Варя огорченно надула губки, провожая напряженным взором удаляющуюся спину Алексея, не понимая, отчего поручик даже не захотел пригласить ее на полонез, который должен был открывать бал. Однако недовольное выражение на ее прелестном личике оставалось недолго, ибо уже через миг она едва не вскрикнула от ужаса. Перед ней предстало вытянутое неприятное лицо князя Павла. Улыбка его с черными гнилыми зубами тут же вызвала у девушки приступ омерзения, и она еле сдержалась, чтобы не попятиться назад.

– О, дорогой князь! – воскликнул ее отец, пожимая руку князя Павла.

– Драгоценный Дмитрий Григорьевич. Могу я пригласить Варвару Дмитриевну на первый полонез? – князь перевел взгляд на Андреевского, а затем вновь окинул похотливым взором девушку.

– О, конечно, конечно, – кивнул Андреевский.

– Но полонез уже занят подпоручиком Бекетовым, – немедленно придумав увертку, выпалила Варя, пытаясь избежать танца с этим неприглядным человеком с серым лицом, который как-то гадко облизывал губы, смотря на нее.

– Может, тогда мазурку вы подарите мне? Она свободна? – не унимался князь.

– Свободна, – безапелляционно произнес Дмитрий Григорьевич и так грозно зыркнул на дочь, что последняя, опешив, решила промолчать.

Варя нервно посмотрела на князя и начала обмахиваться веером, так как ей стало дурно. Сегодня были именины князя Павла. Ему стукнул уже двадцать восьмой год, и именно этому торжеству был посвящен сегодняшний шикарный бал у Хованских. Родители Павла уже давно

подыскивали молодому человеку хорошую партию. Однако Павел Антонович был невзрачным и даже уродливым. Невысокого роста, он уже имел довольно приличное брюшко и бледно-серое лицо с угревой сыпью. Его длинные несуразные руки, совершенно непропорциональные коротким ногам, были постоянно в движении. Маленькие глубоко посаженные глаза, узкие губы и нервная мимика делали молодого князя совершенно неприглядным. Он рано начал лысеть и уже имел внушительную плешь на затылке. Однако молодой князь был невероятно богат и слыл самым завидным женихом Петербурга. Будучи одним из сыновей очень богатых родителей, он уже сейчас мог похвастаться капиталом в несколько миллионов рублей.

Князь Павел был ценителем красоты. Все молоденькие красавицы столицы удостаивались его внимания. Однако который год он не мог определиться с выбором будущей жены. Последние несколько месяцев объектом вожделения молодого князя стала именно Варенька Андреевская. Но девушка совершенно не жаждала общения с князем, ведь ее сердце тянулось к совершенно другому человеку.

Павел Антонович раскланялся, пообещав вернуться ближе к танцу. Едва князь отошел, Варя облегченно вздохнула и, недовольно посмотрев на отца, прошептала:

– Батюшка, мазурка занята месье Чупрасовым!

– Значит, откажешь ему! – властно заявил Дмитрий Григорьевич. Варя на миг опешила, потому что никогда не видела отца в таком странном настроении. Он всегда исполнял малейшие ее желания и капризы, а нынче явно хотел навязать свою волю. И это было для нее весьма ново. – Мазурку будешь танцевать с князем Павлом Антоновичем.

– Но батюшка, он так уродлив...

– Тише! – прошипел Андреевский, строго взглянув на дочь. – Я сказал, с князем и даже не спорь!

– Но я не понимаю...

– Я вижу, ты весьма нравишься молодому князю. А вдруг он сделает тебе предложение?

– Нет, я...

– И ты согласишься! – тут же произнес Дмитрий Григорьевич. – Ибо он лучшая партия, которую я мог бы для тебя пожелать!

– Отец, вы хотите заставить меня страдать? – опешила Варя, и ее золотые глаза заблестели от слез. Андреевский, увидев, как глаза дочери увлажнились, нахмурился и продолжил уже в более ласковом тоне:

– Пойми, доченька, он богат, как султан! У него одних только крепостных около тридцати тысяч душ! Ты будешь есть и пить на золоте!

В ответ Варя лишь тяжело вздохнула и, сердито нахмутив брови, замолчала. «А как все чудесно начиналось несколько месяцев назад...» – подумала девушка, бросая косые взгляды на отца, на лице которого отражалась непреклонность. Тогда, полгода назад, Дмитрий Григорьевич пригласил ее в свой кабинет и заметил:

– Через три недели тебе исполнится восемнадцать, золотце. И я намереваюсь уже по осени вывести тебя в свет. Дай Бог, к весне мы найдем тебе достойного жениха, а к лету уж и свадьбу сыграем.

Опешив тогда от слов отца, Варя на миг растерялась, однако идея Андреевского ей сразу же пришлась по вкусу. Весь последний год девушка увлекалась чтением французских романов и, как и любая молоденькая девица, мечтала выйти в свет.

Варенька была любимицей отца. Дмитрий Григорьевич Андреевский происходил из знатного московского рода потомственных дворян и прижил со своей обожаемой женой лишь сына Николая и дочь Варвару. Мать Вари умерла во время страшной эпидемии чумы год назад. Овдовев, Андреевский направил всю свою неистраченную любовь на младшую дочь, поскольку старший сын уже жил отдельно. Еще с детства Дмитрий Григорьевич баловал Вареньку и лелеял. Все проказы сходили ей с рук, а все желания девочки немедленно беспре-

кословно исполнялись. Уехав из Москвы во время чумы, Андреевские, похоронив мать семейства, остановились в Петербурге, сначала у родственников, а затем купили свой собственный особняк на Гороховой улице.

В августе 1772 года Варвара Дмитриевна Андреевская была в первый раз представлена столичному обществу и произвела фурор. Ее редкая яркая красота: иссиня-черные шелковые волосы, тонкие черты лица, чувственные полные губы, чудные янтарного оттенка глаза с поволокой, прелестная соблазнительная фигура, – и, конечно же, титул сразу же обеспечили ей множество поклонников и потенциальных женихов среди изысканной публики. Варя стала одной из фавориток всех званных вечеров и раутов, получив звание первой красавицы Петербурга.

Уже через пару недель на Андреевского посыпались предложения о замужестве от довольно известных семейств Петербурга. Это весьма льстило Дмитрию Григорьевичу. Он уже довольно потирал руки, выбирая наиболее достойную партию для своей ненаглядной доченьки, как спустя несколько недель ситуация изменилась. Потенциальные женихи, которые еще вчера добивались расположения Вареньки, вдруг неведомым образом стали исчезать с горизонта и отказываться от своих предложений.

Вначале Андреевский не мог понять, в чем дело, но вскоре осознал, что виной всему сама Варя. А именно ее невозможный характер. С младенчества выросшая в роскоши, безграничной любви матери и отца, доходившей порой до безумия, она сделалась своенравной, чересчур умной для девицы, самонадеянной и несдержанной. Еще с детства ей позволялось многое: она могла читать любые книги, которые хотела, ее изречения и декламации вызывали у родителей умиление, она сама управляла коляской, ездила верхом по-мужски и не считала зазорным спорить с отцом.

Воспитывая девочку в вольности и любви, Андреевские даже не предполагали, что вседозволенность в будущем повредит обожаемой дочери. И теперь Дмитрий Григорьевич стал отмечать, что все вольные речи и выходки ее вызывают осуждение в обществе. В кругу мужчин она, не задумываясь, могла высказать свое мнение по тому или иному серьезному вопросу, показывая тем самым, что она наравне с ними интересуется политикой и читает газеты. Это вызывало косые взгляды и недоумение. Ведь интересы женщины не должны были выходить за рамки дома и семьи. Девица же умная, слишком начитанная и владеющая обширными знаниями, а тем более выражающая свое мнение относительно конных скачек, продажи пеньки, или военных конфликтов, внушала потенциальным женихам не просто страх, а ужас. Для общества это было дико и неприемлемо. Таких женщин осуждали и избегали не только мужчины, но и женщины.

К тому же Варя совершенно не стеснялась говорить в лицо не понравившемуся поклоннику, что он ей неинтересен, даже несмотря на его титулы и положение в обществе. Почти на каждом балу она отваживалась дерзким колким словом потенциальных кавалеров, вызывая у Дмитрия Григорьевича негодование. Андреевский стал подозревать, что Вареньке вообще никто не может понравиться, так как более одного танца она ни с кем не танцевала. Он пытался говорить с дочерью о том, что надо хоть немного присмотреться к женихам, но Варя тут же в ответ замечала, что данный жених или слишком глуп, или стар, или страшен. И она все равно не сможет выйти за него замуж. Так отчего же сразу не сказать ему об этом?

Однако Андреевский даже не подозревал, что его дочь уже выбрала себе суженого.

В ее мыслях пребывал образ молодого военного, Алексея Ивановича Олсуфьева, темно-волосого, сероглазого, с озорной улыбкой на красивых губах. Едва увидев его полгода назад, девушка сразу же влюбилась и каждодневно мечтала, что вскоре и Алексей так же увлечется ею, и тогда с благословения отца они поженятся.

Рисуя в своем девичьем воображении радужные картины будущего, она совершенно не замечала того, что Алексей явно не стремится разделять ее чувства. Он держался с нею веж-

ливо, но холодновато. А Варенька, влюбленная и наивная, за всеми знаками внимания с его стороны, которые он оказывал просто из вежливости, видела некие намеки на расположение.

Затем около нее стал вертеться это неприглядный князь Павел, которого совсем не смущал ее непокорный характер, и теперь повышенное внимание князя стало беспокоить Варю. Именно в этот вечер, когда отец заявил о своем желании выдать ее за мерзкого князя, девушка решила чуть ускорить события. Думая, что Алексей стесняется открыто проявлять свои чувства, она вознамерилась сама вывести его на откровенный разговор и намекнуть на свое особое отношение. Она надеялась, что после этого молодой человек непременно попросит ее руки у отца. Именно сегодня вечером, на этом балу, Варя и намеревалась обсудить все с Алексеем.

Объявили первый танец, и перед ними возник подпоручик Бекетов. Поклонившись, он с позволения Андреевского пригласил девушку на первый танец. Как и планировал Дмитрий Григорьевич мазурку Варя протанцевала с омерзительным князем. Все это время девушка видела, как Павел Антонович плотоядно облизывал губы и приторно улыбался ей. Когда наконец танец окончился, она, почти сбежав от князя, направилась не к отцу, а совсем в другую сторону. Она была обижена на Дмитрия Григорьевича за то, что он заставил ее любезничать с этим неприятным человеком. Затем она танцевала еще и еще, оказавшись в толпе поклонников, каждый из которых ангажировал ее заранее. Девушке льстило повышенное мужское внимание, и она пребывала в возвышенном радостном волнении, все время заглядывая в свою танцевальную карту, чтобы не запутаться в мужчинах.

Однако уже через час она начала тоскливо смотреть по сторонам, выискивая глазами интересующего ее человека. Лишь с третьего раза она заметила Алексея в кругу молодых офицеров, которые о чем-то взволнованно спорили. Решив, что нужный момент настал, Варя приблизилась к молодым людям и окликнула Олсуфьева:

– Алексей Иванович, могу я поговорить с вами наедине?

Молодые люди тотчас обратили на девушку заинтересованные взоры, а Алексей, скорчив недовольную мину, медленно произнес:

– К вашим услугам.

Едва они достигли уединенной гостиной, как Варенька тут же обернулась к Алексею и взволнованно отозвалась:

– Алексей Иванович, в моей карте осталось два свободных танца.

Ее красноречивый призывный взгляд смутил поручика, и он нахмурился. Девушка явно пыталась показать ему свое расположение. Алексей, прищурившись, посмотрел на молоденькую девушку, стоящую перед ним. Ее огромные золотые глаза сверкали в свете многочисленных свечей, и он отчетливо осознал, что Варенька Андреевская одна из самых красивых девушек на этом балу. Но он так же прекрасно знал, что у этой прелестницы, которая явно пыталась его завлечь, был своевольный, надменный характер. Она была очень горда и избалована. Никогда ни в чем не знала отказа и не привыкла слышать «нет» на свои желания. Вот и сейчас, видимо, возжелав его и вбив в свою прелестную головку, что он ей нравится, она, презрев все приличия, сама подошла и сделала предложение о танце. Это совсем не нравилось Алексею. Он ценил в женщинах скромность, незащищенность, покладистость и детскую наивность. А Варваре Дмитриевне эти качества не были присущи. Она казалась полной противоположностью его женского идеала.

Поморщившись из-за неприятной ситуации, в которой оказался, Олсуфьев нахмурился. Нет, он вовсе не жаждал разговаривать с этой взбалмошной надменной кокеткой, а уж танцевать тем более не собирался.

– Вы знаете, я должен уехать через четверть часа по срочному делу. И вряд ли могу просить вас о танце, сударыня. Извините, – сказал он холодно, дабы сразу же пресечь дальнейший разговор.

Обиженно поджав губы, она недовольно посмотрела на молодого человека. Алексей отчетливо видел, как ее личико приняло озабоченное выражение, но ему было все равно.

Варя с горечью осознала, что он весьма нелюбезно отказал ей. «Неужели я совсем не нравлюсь ему? Это просто невозможно», – подумала она. Ей стало не по себе, и она ощутила себя полной дурой. Она сама подошла к нему, сама пригласила. И думала, что ему будет приятно провести с ней хоть немного времени. Ведь большинство мужчин в этой зале жаждали общения с ней. Но, видимо, Алексей Иванович, в которого она была так сильно влюблена, не желал ее общества.

– Значит, вы отказываете мне в танце? – опешила она.

Нахмурившись, молодой человек раздраженно взглянул на нее и надменно произнес:

– Да, Варвара Дмитриевна, я отказываю вам в танце.

Он уже собрался отойти от нее, но девушка схватила его за локоть и воскликнула:

– Подождите! – она не могла еще поверить в то, что совершенно безразлична ему.

Молодой человек остановился и удивленно посмотрел на нее.

– Да?

– Вы давно не заезжали к нам в гости, я очень скучаю по вашему обществу, – произнесла Варенька. Алексей окончательно стушевался и, наклонившись к девушке, тихо заметил:

– Варвара Дмитриевна, вы компрометируете себя. Остановитесь, пока не поздно. Вы будете жалеть о том, что говорите мне.

– Поверьте, Алексей Иванович, я не пожалею, ибо вы единственный мужчина, который привлекает мое внимание. Если бы вы знали, что я чувствую. Я знаю, что вас одного я могу полюбить...

– Замолчите! – громко прошептал Олсуфьев. – Вы что, не в себе? Мне льстит ваше внимание, но, Варвара Дмитриевна, я никогда не смогу ответить на ваши чувства. Пока не поздно, остановитесь. Давайте забудем о том, что вы сейчас сказали. Так будет лучше для нас обоих.

– Я совсем не нравлюсь вам?

Алексей нахмурился и тихо произнес:

– Вы одна из самых красивых девиц на этом балу, я не могу не признать этого. Но, поверьте, мое сердце холодно к вам. Простите, Варвара Дмитриевна, но между нами ничего не может быть.

Округлив изумленно глаза, Варя молчала. Она так надеялась, что Алексей тоже неравнодушен к ней и после ее признания отважится на более решительные действия: признается ей в любви, а затем сделает предложение. Ведь не раз она видела заинтересованность в его взгляде, когда он приезжал к ним домой. Но, видимо, ошиблась, и Алексей совсем не был влюблен в нее, как это казалось ей раньше. Гнев овладел ею, и Варя задрожала от негодования. Она столько сказала ему о своих чувствах, а он, словно старший братец, отчитывал ее за непозволительное поведение. Но она не покажет ему, как ей больно от его холодных слов. Чувствуя, что от обиды сейчас расплачется, Варенька собрала все свое мужество и, гордо вскинув головку, вскричала:

– Прекрасно! Я любила вас! Но теперь вижу, что вы недостойны моего внимания!

Опешив от этих слов, Алексей напряженно посмотрел в ее янтарные глаза и отчего-то подумал о том, что тот мужчина, который решится связать свою жизнь с этой девицей, явно не узнает покоя. Он предполагал, что ее своенравный характер доставит много неприятностей ее будущему мужу. Потому что вряд ли она пойдет на какие-либо уступки и будет покорна. Эта девица не просто не знает приличий, а невозможно дерзка и до крайности вызывающа. Неужели она думает, что настолько неотразима, что любой мужчина должен упасть к ее ногам?

– Но, сударыня, я не просил вас о любви! – воскликнул Олсуфьев озабоченно. – Неужели вас не учили, что девушке не следует первой признаваться мужчине в любви? Это весьма нелепо!

– Не вам учить меня поведению в обществе! Благодарю, сударь, что вы уделили мне столько времени!

Варенька быстро развернулась и поспешила прочь из пустынной гостиной. Стремительно преодолев китайскую чайную в бледно-палевых тонах, она вновь оказалась в душевной многолюдной зале. Пары кружили очередной танец. Гул голосов многочисленных гостей сливался в единый шум, всюду мелькали лица и люди. Варя невольно остановилась чуть в стороне у распахнутых дверей, которые вели на террасу. Сильный запах горящих свечей кружил ей голову, хотелось заплакать. Все ее мечты о суженом разбились в один момент. Она нервно мяла в руках дорогой кружевной веер и почти ничего не видела перед собой из-за пелены слез, которая заволокла глаза. В ее ушах до сих пор стояли последние фразы Олсуфьева о том, что его сердце холодно к ней, и лишь одними губами она твердила сама себе:

– Он не любит, не любит меня...

В какой-то миг она ощутила себя нехорошо, почувствовав боль под сердцем. Воздуха стало не хватать, и, предчувствуя надвигающийся приступ, девушка стремительно выпорхнула в боковые распахнутые двери, что вели на улицу. Едва она вышла в сад и успела пройти половину дорожки, ведущей к бурлящим фонтанам, как ощутила, что боль в сердце стала сильнее. Перед глазами запрыгали черные мушки. Не удержавшись на ногах, она потеряла сознание и упала на дорожку.

В себя она пришла спустя некоторое время от осторожного похлопывания по щекам. Открыв мутные глаза, Варенька непонимающе уставилась на склонившегося над ней немолодого мужчину. Он был в летах, с усами и в смешном белом парике. Его приятные обеспокоенные глаза смотрели прямо на нее.

– Вам лучше? – спросил мужчина. Варя отметила, что полусидит на скамейке, а он осторожно поддерживает ее твердой рукой.

– Вроде да, – промямлила она.

– Вы упали прямо на землю, – обеспокоенно заметил мужчина. – Может, позвать лекаря?

– Нет, благодарю вас, сударь, – произнесла девушка, наконец придя в себя и сев прямо.

Мужчина тут же убрал руку с ее стана и представился:

– Граф Панин, я вышел подышать и увидел, как вы падаете.

– Сейчас все пройдет. У меня иногда бывают приступы.

– Что ж, тогда я могу оставить вас?

– Да, вполне, благодарю вас.

Граф быстро раскланялся и, оставив девушку на скамье, пошел далее по своим делам. Варя несколько раз глубоко вздохнула, ощущая, что боль в груди исчезла. Приступы у нее бывали еще с детства. Всегда начинались с болей под сердцем, а потом она теряла сознание или на краткое мгновение, или на более длительное время. Иногда спасал свежий воздух, и удавалось избежать неприятных исходов и потери сознания, но это помогало не всегда. Лекари говорили, что ее болезнь связана с сердцем и не подлежит лечению. Однако все в голос твердили, что Варе надо поменьше волноваться. Однако нынче ей не удалось избежать тревог. Она заставила себя переключить внимание и попыталась хотя бы на миг забыть об Олсуфьеве, который вызывал у нее неприятные мысли.

Встав со скамьи, она медленно направилась в зал, намереваясь отыскать отца.

Глава III. Дуня

Уехав почти с середины бала из-за этой невозможной девицы Андреевской, поручик Олсуфьев возвращался в своей карете домой. Вальяжно опершись о спинку бархатного сиденья, Алексей устало прикрыл глаза. Он все еще не мог отойти от того неприятного разговора, который устроила ему Варвара Дмитриевна. И как она могла первой признаться в любви? Да еще не просить, а требовать ответного чувства от него? В его голове это не укладывалось. Он прикрыл глаза, и тут же перед его взором предстало нежное лицо девушки с ясными голубыми глазами и светлой косой. Эти радужные воспоминания и думы скрасили его путь до фамильного особняка.

Едва он поднялся по мраморной лестнице, и дворецкий распахнул дверь, как перед ним в темной парадной появилась его старая крепостная няня.

– Алексей Иванович, горе-то какое! – прямо с порога запричитала Феодосья Никитична.

Алексей устало взглянул на полную морщинистую старуху и прошествовал мимо нее в гостиную. Он начал расстегивать португеею, зевая, когда слышал ее шаги за спиной.

– Что стряслось-то? – безразлично спросил Олсуфьев, не оборачиваясь.

– Братец ваш, Михаил Иванович, – запричитала старуха, приближаясь к нему, – сегодня по вечеру в карты играли с друзьями. Да деревню в Лопушках проиграла!

– Всю? – уже более заинтересованно произнес Алексей, поморщившись и снимая оружие. Он положил палаш на небольшой столик и сел в кресло, вытягивая уставшие ноги. То, что брат его был одержим азартными играми, Алексея давно уже не удивляло. И известие, что брат нынче проиграл деревню, отчего-то вызвало в гудящей голове молодого человека лишь досадную, неприятную мысль о том, что теперь их состояние уменьшилось на несколько сотен душ.

– А еще Нестора да Гаврилу-повара проиграл. Хорошие парни, жалко их!

– Ох, нянюшка, что вы от меня-то хотите? Ну проиграл и проиграл, – пожал безразлично плечами Алексей, откидывая гудящую от вина голову на спинку сиденья и зевая.

– А потом этот неслух, братец-то ваш, предложил на Дунюшку нашу сыграть. Она как раз прислуживала им. Дак...

– Что?! – прохрипел Олсуфьев и тут же выпрямился в кресле, протрезвев.

– Я и говорю, Алешенька, Евдокию-то он тоже проиграл, – промямила уже сквозь слезы старуха, утирая платком лицо.

– Да говорите вы все толком, няня! – взорвался Алексей, вскочив на ноги и устремив лихорадочно загоревшийся взор на старуху. – Ничего не пойму! С кем Михаил играл-то?

– Да с Иваном Семеновичем Васильчиковым, братцем любимца царицы нашей. Да этот нехристь все выигрывал да выигрывал. А как нечего было уже ставить Михаилу Ивановичу, так он на крепостных играть начал. Говорила я ему, что не по-людски это. Дак он меня выгнал из гостиной. Вот так-то няню свою дурой обозвал, а ведь я его с пеленок растила, голубчика...

– Дуня где? – перебил ее вновь Алексей. Старуха подняла на него выцветшие глаза и произнесла:

– Так увез ее этот барин еще час назад. Да все приговаривал, что уж больно хороша девка.

У Олсуфьева потемнело в глазах, едва он представил светловолосую девушку с кроткими глазами в объятьях другого. Он нецензурно выругался и начал стремительно натягивать португеею, которую только что снял. Уже через минуту он вылетел из гостиной.

– Что-то я не пойму, чего вам надобно, милостивый государь? – высокомерно осведомился пьяный Васильчиков и развалился в кресле. Связи и положение в обществе, а вместе с тем родство с нынешним фаворитом императрицы, давали право Васильчикову почти с прене-

брежением разговаривать с Олсуфьевым, который стоял в напряженной позе всего в нескольких шагах от него.

– Мне нужна девица, которую вы сегодня выиграли в карты у моего брата Михаила Ивановича Олсуфьева! – пророкотал Алексей, нервно теребя край военного камзола.

– Ого! – воскликнул Иван Семенович и нагло добавил: – Девица моя, а ты, братец, проваливай лучше подобиру-поздорову.

– Я денег за нее дам, и не малых, – произнес, не задумываясь, Алексей.

– Да неужели?

– Сотню рублей дам.

– И всего-то? – как-то ехидно заметил Васильчиков, прекрасно осознавая, что это довольно крупная сумма, ведь средняя цена за крепостного составляла рублей тридцать.

– Полтыщи золотом получите, завтра же! – выпалил нервно Олсуфьев, кусая губы. – Только Дуню верните, Христом Богом прошу!

– Неужели девка стоит таких деньжищ? На них дюжину крепостных мужиков с семьями купить можно.

– Не ваше дело, сударь! Так вы согласны или нет? – еле сдерживаясь, пророкотал Алексей, кладя руку на рукоять палаша.

– Не пойму я вас, милостивый государь. Не спору, девка красивая, но неужто и впрямь готовы за нее такие деньги выложить? Ваш братец всего за пятьдесят рублей на нее играл.

– Две тысячи дам. Только верните ее! – воскликнул Алексей, утирая холодный пот со лба.

Иван Семенович, отчетливо видя, что поручик Олсуфьев явно заинтересован в девице, хитро прищурился. Подлая натура Васильчикова тут же подсказала гадкую шутку. Желая подразнить Олсуфьева и упиваясь видом искаженного лица поручика, он, мерзко ухмыляясь и медленно растягивая слова, произнес:

– Я так вам скажу, милостивый государь. Девку я продавать вам не стану. Сам еще с нею не побаловался. А вот как натешусь, так, может, и поговорю с вами...

Олсуфьев побагровел от бешенства и пророкотал:

– Тогда защищайтесь, сударь! – в следующий миг Алексей вытащил палаш из ножен и кинулся на Васильчикова.

Потасовка закончилась быстро. Уже через минуту Васильчиков лежал на персидском светлом ковре, истекающий кровью, со смертельными ранами. Олсуфьев, обезумев, даже не дал своему обидчику возможности взять в руки оружие и хладнокровно бросился на него, намереваясь непременно убить негодяя, который вознамерился забрать у него обожаемую Дунюшку.

Затем, замахнувшись палашом и на слуг, которые испуганно расступились, а минутой ранее влетели в гостиную, заслышав странный шум, Алексей выбежал в парадную и, до смерти напугав одну из горничных, велел вести его к Дуне. Горничная еле живая от страха и удерживаемая за плечо железной хваткой Олсуфьева, привела его в одну из комнат на втором этаже, а именно, в темную спальню, где на полу сидела девушка в простом платье и жмурилась от яркого света. Едва они вошли, и Дуня разглядела Алексея Ивановича, она радостно вскрикнула и, вскочив, бросилась ему на шею.

– Я знала, что вы придете... – пролепетала она, когда Олсуфьев яростно сжал ее в объятиях, уткнувшись лицом в светлые волосы.

– Никому не отдам тебя, моя голубка, – проворковал нежно Алексей, ласково глядя девушку по светлой косе. – Пойдем отсюда...

Они быстро спустились в парадную по широкой лестнице и уже направились к выходу, как завидели двух слуг, которые преградили им путь.

– А ну постойте, милостивый государь! – воскликнул один из них, похожий на дворецкого. – Вы что ж, думаете, что так просто уйдете?

– Пошел прочь, холоп! – прикрикнул на него Алексей и положил руку на палаш. – Я ведь продырявлю тебя быстрее, чем твоего хозяина!

Дворецкий испуганно шарахнулся в сторону, увидев, что Олсуфьев потянулся за палашом, на рукоятке которого отчетливо виднелась кровь Васильчикова. Алексей и Дуня беспрепятственно вышли из дома. Во дворе дожидался извозчик. Едва они сели в экипаж и поехали, как Дуня внимательно посмотрела на молодого человека, который сидел рядом и сжимал ее в объятьях, и прошептала:

– Алексей Иванович, вы убили его?

Молодой человек вновь прижал девушку к себе и ласково произнес:

– Не думай об этом, лапонька, главное, что с тобой все в порядке. Не думай...

Она вмиг разрыдалась у него на груди, вцепившись в китель дрожащими руками. Уже при подъезде к дому Алексей властно заявил:

– Ты должна немедленно уехать в деревню, к тетке.

– А как же вы, Алексей Иванович? – спросила она испуганно, внимательно глядя на него.

– За меня не беспокойся. Скажи, кто еще видел тебя в доме и знает, что Михаил играл на тебя?

Девушка нахмурилась и на ее глазах вновь выступили слезы. Алексей обнял ее и начал, как ребенка, гладить по светловолосой голове, успокаивая.

Крепостная Дуня жила в особняке Олсуфьевых с двенадцатилетнего возраста. Она была одной из горничных. Мать Алексея привезла девочку из деревни для прислуживания своей дочери Наталии. Дуня быстро всему научилась и стала незаменимой помощницей и даже подругой молодой барышни. Всех горничных барыня Олсуфьева одевала в простые, но добротные платья, так же, как и лакеев, и проживание в богатом доме в Петербурге очень нравилось Дуне, так что она старалась быть незаменимой. И неизменно оставалась при Наташе.

Однако в пятнадцать лет дочь Олсуфьевых неожиданно умерла, и Дуню перевели к прочей прислуге. Правда, по просьбе Алексея она выполняла лишь легкую работу, в основном накрывала и убирала со стола, присматривала за цветами и свечами в комнатах. Алексей, еще юношей влюбившись в Дуню, всегда защищал ее и оберегал от нападок старшего брата Михаила, который недолюбливал девушку. Когда той исполнилось шестнадцать, Алексей признался ей в любви. Дуня испугалась этого, ибо знала, что Олсуфьеву никогда не позволят жениться на ней, на крепостной. И взяла с него слово, что он будет молчать обо всем.

Алексей согласился, также прекрасно понимая, что родители лишат его наследства, если узнают, что он намерен жениться на Дуне. И тогда он решил ждать. Ждать того, что в скором времени все разрешится. Он мечтал о том, что, возможно, когда родителей не станет, он сможет обвенчаться с любимой. Молодой человек всегда относился к девушке с почтением и даже неким благоволением. Почти два года называл ее своей невестой и даже тайно подарил кольцо, которое Дуня носила на груди вместе с крестиком под платьем.

Развязка этой трагичной истории произошла уже на следующее утро. Императрица, взбешенная выходкой Олсуфьева, приказала немедленно упечь наглеца в крепость. Уже в шесть утра следующего дня на пороге особняка Олсуфьевых появились гвардейцы, которые потребовали выдачи преступника. Алексей накануне поздно ночью, уложив Дуню в постель, поведал все трагические подробности своей няне, утаив всё от матери, которая жила вместе с ним и братом в особняке. Молодой человек не сопротивлялся и позволил себя арестовать, успокаивая себя лишь мыслью о том, что уже сегодня поутру Дуня уедет в Миртово, к тетке.

Едва гвардейцы забрали оружие у Олсуфьева и направились с арестантом к выходу, как в парадной появилась няня Алексея. Проворно подойдя к молодому человеку, старуха запричитала:

– Что же это, Алексей Иванович? – с надрывом в голосе простонала она. – Из-за крепостной девки в крепость?

– Молчи, няня, не знаешь ты всего! – воскликнул Алексей и повернулся к гвардейцам. – Я готов, господа...

Приговор императрицы был суров – смертная казнь. Все, что касалось ее любимца, фаворита Васильчикова, вызывало в душе государыни трепетное и живое чувство. Его родня была неприкосновенна, и наглая выходка Олсуфьева вызвала у Екатерины Алексеевны сильный гнев. Однако суровое наказание было немного смягчено из-за приезда в царский дворец стареющей матери Алексея, которая привезла все награды покойного мужа и молила императрицу о милости к сыну в память о заслугах его отца. Государыня немного смягчилась, видя коленопреклоненную женщину у своих ног, и заменила наказание на пожизненную каторгу на Уральских рудниках, к тому же Васильчиков остался жив.

17 ноября 1772 года Олсуфьев, закованный в кандалы, отправился по этапу на восток, в сторону Сибири. В это же время Васильчиков, уже вполне здоровый, пил шампанское в своем новом особняке, пожалованном его брату императрицей. Судьба Дуни оказалась самой трагичной. Мать Алексея, узнав от няни, кто стал истинной причиной дерзкого поступка сына, приказала наглую крепостную девку, которая посмела связаться с ее младшим сыном, до смерти забить плетью на конюшне. Только спустя много лет Алексей Олсуфьев узнает, что его возлюбленной Дунюшки, как он ее ласково называл, ради которой столько претерпел, уже много лет нет на белом свете...

Глава IV. Кунгур

Сибирская губерния, Кунгур,
1773 год, Март

– Эй, посторонись! – крикнул извозчик, когда сани резко остановились посередине небольшого каменного моста.

Варенька выглянула вперед из-за широкой спины мужика-извозчика и увидела, что им преградили путь несколько дюжин груженных телег. В начале обоза, верхом на лошади, возвышался крупный всадник в мохнатой шапке, с небольшой темной бородой и с плеткой в руке.

– Я тебе посторонюсь! – тут же в ответ с вызовом пророкотал мужчина, что был верхом, и стремительно подъехал на своем жеребце к их саням. – Сдай назад! – скомандовал он извозчику, за которым в санях сидела Варя. – Не видишь, железо везем!

– Ты это у себя на заводе командуешь, Матвей Гаврилович, – ошетинился извозчик, недовольно глядя на молодого мужика, который угрожающе смотрел прямо ему в лицо, стегая своего коня плетью.

Всадник поравнялся с Варей, которая зябко кутала руки в муфточку, и свысока прошелся по девушке оценивающим взглядом. От сурового угрожающего взора его темных глаз, Варя ощутила неприятный озноб по всему телу.

– Что это барынька в наших краях забыла? – выплюнул сердито Матвей Гаврилович, приблизив коня вплотную к саням.

Жеребец переминался с ноги на ногу и как будто хотел наступить на полозья саней. До Вари долетало горячее дыхание его лошади. Она сделала вид, что не услышала в вопросе мужчины враждебности и строго взглянула на него.

– Милостивый государь, нам надобно проехать к дому бургомистра Филиппа Акимовича Кротова, – объяснила Варенька, смотря снизу вверх на грозного вида всадника в мохнатой шапке и черном коротком тулупе.

Последний не спускал с нее напряженного гнетущего взора, от которого девушке стало неуютно. Матвей Гаврилович как-то хмуро хмыкнул и заметил:

– Не думаю, что бургомистр будет вам рад, барышня. У него вчера дочь померла, – мужчина наконец отъехал от девушки и обратился к извозчику: – А ты, Потап Никанорыч, все же сдай чуть правее. Мой обоз проедет, и тебе место будет.

Извозчик нецензурно выругался и направил сани в сторону. Варя с интересом смотрела, как мимо них по порядку проехали груженные телеги, за которыми проследовал и Матвей Гаврилович. Проезжая мимо Вари, он немного придержал лошадь, и девушка вновь заметила его странный оценивающий с вызовом взгляд, направленный на ее лицо.

Сани тронулись, и девушка вновь повернулась вперед.

– Сразу видать, что приказчик, – пробубнил ее извозчик, не оборачиваясь. – Только бы командовать.

– Приказчик на заводе? – спросила Варя, сделав такой вывод из разговора мужчин.

– Ага. Твердышев фамилия его. У Осокина Григория Петровича на службе состоит уже который год. Знатный приказчик. Так своих рабочих держит, что по всей горной округе первый завод по литью будет.

Как и предрекал Матвей Гаврилович, в доме бургомистра Варю встретили холодно. Бургомистр, Филипп Акимович, прямо с порога заявил, что лишнего места у них в доме нет. И уточнил, что не дело это, без родительского благословения молоденьким барышням из дому убегать, да еще так далеко. А в конце своей речи добавил, что Вале следует вернуться в Петербург.

Девушка же, проделав такой длинный путь, не собиралась никуда возвращаться. Она представилась сестрой Алексея Олсуфьева и заметила, что, по ее сведениям, брат теперь работает на неких Андреевских рудниках. И настоятельно попросила бургомистра рассказать, как ей туда добраться.

– На Андреевских рудниках, говорите? Ну, это в низовье реки Нязи, – буркнул недовольно Филипп Акимович.

– А далеко эти рудники отсюда?

– Верст шестьдесят будет.

– Именно туда мне и надобно. Вы поможете мне найти извозчика, который знает, где это место? – спросила Варя, совсем не горя желанием оставаться в Кунгуре, где отец мог бы легко отыскать ее и воротить домой.

– И что ж вы, Варвара Дмитриевна, жить там намерены? На рудниках-то? – удивленно поинтересовался бургомистр.

– Намерена, – не колеблясь, ответила девушка.

– Да вы с ума сошли, барышня! – воскликнул он, не сдержавшись. – Рядом с рудниками лишь деревенька захудалая имеется. Да и живут там одни каторжники, воры, да еще всякие беглые. Тамошние надзиратели едва справляются с этим сбродом. Вряд ли вы сможете там жить, в земляных избах-то. Там здоровые мужики мрут, как мухи, из-за грязи и суровых зим. А вы-то наверняка в столице к такому не привыкли. Куда уж вам туда!

– Я не затем ехала столько верст, чтобы остановиться теперь. Я все равно разыщу брата. Я знаю, что нужна ему. Так вы дадите мне подорожную и знающего извозчика?

Филипп Акимович нахмурился и недовольно посмотрел на девушку. На его душе и так было гадко, а еще эта своенравная девица со своими бреднями явилась. Ему было совершенно все равно, помрет ли эта взбалмошная барышня на рудниках, или еще по дороге с ней что-нибудь случится. Но она назвалась дворянкой Олсуфьевой, и эта фамилия показалась бургомистру довольно известной, даже у них в губернии. Правильная речь девушки и дорогая одежда выдавали в ней знатную особу. И оттого ее смерть могла повлечь расследование со стороны столичного начальства. А это было совсем не по душе Кротову, ибо он знал, что проверка может выявить множественные факты злоупотреблений и воровства, которые покрывались его именем. Он думал некоторое время, и вдруг ему в голову пришла мысль.

– А отчего бы вам не остаться у меня? Я думаю, мы все же смогли бы найти для вас комнату. Один раз в месяц вы бы ездили проводить своего братца.

– Нет, это невозможно. Отсюда слишком далеко добираться. Я хотела жить рядом с ним.

– Я же вам сказал, что там нет условий, чтобы вам обитать...

– И все же я поеду, – уперто заметила Варя. Осознание того, что всего в шестидесяти верстах от нее находится любимый Алексей, вдохновляло и воодушевляло.

– Ну ладно, – устало вздохнул бургомистр. – Не хотите жить у меня, не надо. Поезжайте, коли воля ваша. Однако я все же посоветую вам жить не в самой деревеньке у рудников, а в более крупном селении, что у реки Иргины, у Верхне-Иргинского завода. Оно как раз находится неподалеку от Андреевских рудников. Там и народ – вполне обычные обыватели и крестьяне, все семьями и домами живут. Заводские. Да и несколько домов зажиточных есть. Местного попа, например, и воеводы. Там-то уж явно поспокойнее место. Начальство завода народ в подчинении хорошо держит. Безобразий не допускает.

– А далеко этот городок от рудников?

– Это не город, барышня, а поселок на пару сотен дворов, не более, – пожал плечами бургомистр. – А до рудников верст десятков будет. Послушайте моего совета, барышня, коли уж непременно хотите ехать ближе к братцу, поезжайте туда, а никак не на рудник. Да из поселка-то всегда найдется, кто свезет вас к брату. Тем более заводские руду на свой завод с Андреевских рудников возят.

– Я думаю, Филипп Акимович, – медленно произнесла девушка, видимо, что-то мысленно прикидывая, – что по вашему совету поеду как раз в это селение у Иргинского завода.

– Я выпишу вам грамоту к тамошнему управляющему, если изволите.

– Буду благодарна.

– Может, отобедаете с нами?

– Нет, покорно благодарю, я хочу еще до вечера добраться до места.

Бургомистр позвонил в колокольчик и велел, чтобы ему принесли перо и бумагу. Чуть позже он сел за стол и начал что-то писать. Варя стояла тихо и ждала, когда он закончит. Вдруг он поднял голову и поинтересовался:

– Сколько людей вас сопровождает?

– Я путешествую одна.

– Однако удивляюсь я вам, барышня, – воскликнул недоуменно бургомистр, в который раз опешив. – В наших местах полно разбойников и всякого сброда. Опять же, заводские весьма наглые людишки, и как вы не боитесь по нашим местам без охраны разъезжать?

– Охраны?

– Ну конечно! Даже мои люди не рискуют по соседним лесам в одиночку ездить. А вы, однако, смелая. Могу дать вам пару человек из моей личной охраны, не более. Сейчас, знаете, беспокойно везде. Так что не обессудьте.

– Благодарю.

Чахлая лошадка тянула сани по заснеженной дороге. Снег падал крупными хлопьями, и кругом было тихо и бело. Варя зябко куталась в соболью шубку, то и дело поправляя меховое медвежье одеяло, которое покрывало ее ноги. Два всадника, которых определил ей бургомистр, исправно ехали рядом позади саней и были совершенно беззвучны. Чуть прикрыв глаза, девушка вспомнила, как еще месяц назад она тайком уехала из дома отца.

Едва узнав о суровом приговоре Алексея, Варя впала в уныние. Не зная всех подробностей истории, приведшей Олсуфьева на каторгу, девушка искренне переживала за его судьбу. В какой-то момент после Рождества Варя вдруг подумала о том, что сейчас разжалованный и лишенных всех званий, осужденный молодой человек нынче нуждается в ней как никогда. От брата Николая Варя прекрасно знала, что Алексей был отправлен на каторжные работы в Сибирскую губернию на рудники. Единственное послание, полученное от Олсуфьева, осторожно, втайне от отца показал ей Николай. Из этого короткого письма Алексея Варя узнала, что ее возлюбленный благополучно добрался до Кунгура, и что далее его распределили на работу на некие Андреевские рудники.

Эта новость подарила девушке надежду. Она решила непременно поехать за Алексеем в ссылку и попытаться скрасить его существование на рудниках. Она воодушевленно представляла, как поселится рядом, будет заботиться о нем, и он наконец поймет, как сильна ее любовь, и, возможно, сможет ответить на ее чувства. Все-таки теперь молодого человека не окружали все эти красивые соблазнительные барышни, ищущие его внимания. Сейчас у него не было того положения и почестей, что раньше. И он наверняка изменился и уже не будет таким надменным и холодным. Мечтательно обыграв все это в своей головке, Варенька уже ни о чем не могла думать, кроме как о том, чтобы отправиться вслед за Олсуфьевым в сторону Сибири.

Однако она прекрасно понимала, что отец, который последние месяцы говорил лишь о ее свадьбе с мерзким князем Павлом, никогда по собственной воле не отпустит дочь на рудники. Тем более к человеку, который лишился положения, был каторжником и, естественно, по мнению отца, уже не мог составить ей прекрасную партию. Однако у Вари было другое мнение на этот счет. Она наивно полагала, что сердце Алексея смягчится, когда он увидит ее заботу и преданность. И, может быть, вскоре они смогут быть счастливы вместе. Ведь ссыльные дворяне могли быть помилованы и через некоторое время даже вернуться с каторги домой.

Итак, решившись на дальнюю дорогу в далекую Сибирскую губернию, Варя придумала целый план для побега. Заявив отцу, что уезжает до лета погостить к своей двоюродной сестре в Москву, которая была с ней в сговоре, девушка налегке, отправив свои вещи и людей в бывшую столицу, направилась совершенно в другую сторону. На одном из постоялых дворов, Варя наняла извозчика, который согласился отвезти ее в сторону Рифейских гор. Именно так она оказалась в этом далеком неизведанном крае.

Неожиданно раздался выстрел, и Варя резко села в санях. Один из двух всадников, сопровождающих ее, упал замертво, повиснув в седле. Сильный свист был лишь началом, и в следующее мгновение из-за деревьев стали выскакивать страшные облезлые людишки с топорами и оружием в руках. Извозчик сильно натянул вожжи, когда их лошадь схватил за уздцы один из разбойников. Девушка вскрикнула от ужаса, схватившись руками за меховое одеяло, которым были прикрыты ее ноги. Уже через миг их сани окружила дюжина дурно пахнущих грязных бородатых мужиков, которые победно скалились ей в лицо. Краем глаза девушка заметила, что второго всадника, что сопровождал их, стащили с лошади, обезоружили и оглушили.

– Только не убивайте, родимые! У меня детишки малые! – запричитал несчастно извозчик, сжимаясь от страха.

– Не бойсь. Нам всего-то девка богатая нужна, – прохрипел сиплым голосом один из разбойников и направил дуло охотничьего ружья прямо в лицо девушки. Варя замерла. И от страха, который сдавил горло, не смогла даже закричать. – Серьги сымай! И остальное добро доставай! Че там у тебя имеется? – приказал зло разбойник. Варя сидела, не шевелясь, и в ее голове отчетливо всплыл разговор с бургомистром. – Ну, кому сказал, или тебе помочь?!

– Отдайте вы им все, барышня, прибьют ведь, – боязливо заныл извозчик, обернувшись к ней.

Девушка, понимая, что разбойник настроен решительно, сняла с рук муфточку и уже потянулась рукой к уху, как вновь раздался выстрел.

Все произошло стремительно. Варя расширившимися от испуга глазами увидела, как в следующую минуту на шайку разбойников налетел конный военный отряд казаков, человек пятнадцать, который появился словно из-под земли. В первую же минуту казаки зарубили почти половину разбойников. Остальные лихие мужики из шайки сами покидали оружие и, упав на колени, стали просить о пощаде. Двое казаков спешили, чтобы связать остальных, а Варя невольно осознала, что раньше даже не представляла, как опасны эти края.

Один из казаков, усатый и худощавый, в темном длинном кафтане, подошел к девушке, которая так и сидела, съежившись в санях.

– С вами все в порядке, барышня? – участливо спросил он, заглядывая ей в лицо. Его взгляд, добрый и приятный, сразу же расположил Варю. Она вымученно улыбнулась молодому человеку.

– Не знаю, как и благодарить вас, судари, – пролепетала девушка, все еще ошарашенная наглым ограблением.

– Вовремя мы, барышня, – заметил молодой казак и, сняв высокую шапку, поклонился. – Василий Тоболев, урядник при казаках на службе у Григория Осокина. На Игринском заводе.

– Варвара Дмитриевна Олсуфьева. Спасибо вам еще раз, перепугали они меня, – произнесла девушка, приходя в себя.

– Что-то не видел я вас ранее. Вы недавно в наших краях?

– Да. Я из Петербурга еду, – объяснила она. – На Игринское поселение. Филипп Акимович дал мне грамоту к управляющему тамошнего завода.

– Из столицы? Странно весьма, – удивился Тоболев. – Однако не мое это дело, барышня, извините покорно. Можем вас сопроводить до села. Мы как раз туда и направляемся.

– Похоже, что это Гришка Медведь! – воскликнул грузный темноволосый казак, что связывал одного из разбойников, того самого, который держал на прицеле Варю чуть ранее.

– Медведь? – удивилась Варя, переводя взгляд на страшное облезлое лицо бородатого мужа.

– Разбойник местный, – пояснил Василий, обернувшись к ней. – Его уже год как по окрестным лесам уфимские солдаты ищут. Всю округу своей шайкой в страхе держит, – затем, обернувшись к разбойнику, он громко прикрикнул: – А ну говори, как звать?!

– Молчит окаянный, – сказал один из казаков, ударив мужа в живот кулаком.

– Да точно Гришка, – заметил другой из казаков, что был верхом. – Вон у него на щеке шрам приметный крестом. Надо его в Уфимск везти. Деньги за него от воеводы получим.

– И впрямь дело говоришь, Демьян, – согласился Василий Тоболев. Немного помолчав, он скомандовал: – Семеро с барышней в село отправляйтесь. Остальные со мной в город.

Казаки, поняливо отчеканили ответ и быстро развернулись в два направления.

– Дай бог, еще свидимся, Варвара Дмитриевна, – поклонился Тоболев девушке и, осклалившись, нахлобучил шапку на лысую голову с черным чубом. Молодой человек ловко вскочил на своего коня и, развернув его, чуть отъехал от саней.

– Василий! – окликнула его Варя. – Извините, отчество вы свое не назвали.

– Егорович, – ответил Тоболев, приветливо улыбаясь.

– Василий Егорович, – вежливо произнесла она. – Не подскажете, где мне лучше остановиться на постой в Иргинском селе?

– Ну, дак, или у воеводы, или в доме приказчика, наверное, – пожал Тоболев плечами. – Правда, у воеводы жена жуть злая, вряд ли она вас примет у себя.

– А Арина Афанасьевна – женщина сердобольная, и дом у них лучший в поселке, – заметил другой казак.

– Да, лучше к Арине Афанасьевне, Иван дело говорит, – согласился Василий. – Молодцы мои привезут вас к нужному дому.

– Благодарю вас, – кивнула Варя, смотря вслед удаляющимся в обратную сторону семейным всадникам, к коням которых были привязаны трое разбойников. Мужики, связанные за руки впереди, бежали сзади коней казаков, стараясь не упасть на ухабистой дороге.

Спустя два часа казаки доставили Вареньку к нужному дому, который располагался на Вознесенской улице, недалеко от местной церкви. Завод находился всего в версте от небольшого поселка, и стоял в низине у бурной реки и был хорошо виден с высокого места, где остановился извозчик. Громко постучав в широкие деревянные ворота, от которых шел высокий частокол, один из казаков остался дожидаться, пока откроют, остальной отряд поехал дальше. Ждать пришлось недолго. Спустя минут пять ворота открыл неприглядный старик и проскрежетал:

– Чего вам?

– Вот на постой барышню к вам привезли. Проводи ее к Арине Афанасьевне. Дома она? – произнес казак, спешившись и помогая Варе вылезти из саней.

Казак быстро распрощался и вихрем ускакал, а девушка направилась вслед за стариком во двор, велев извозчику дожидаться ее на улице.

Двор был широкий, с несколькими деревянными постройками и двухэтажным домом с широкими ставнями. Первый этаж был каменным, второй деревянным. Высокая резная лестница вела на широкое крыльцо. Поднявшись наверх за стариком, Варя вошла в мрачные сени, а затем проследовала в небольшую светлую комнату-горницу. У печи хлопотала полноватая молодая женщина в простой длинной черной юбке и зеленой блузке. Услышав шум за спиной, женщина обернулась и привычным движением откинула светлую косу за спину.

– Добрый вечер, – поздоровалась Варя, стягивая муфточку с замерзших рук и наслаждаясь теплом, исходившим от печи.

– Добрый, барышня, – отозвалась женщина. – Зачем к нам пожаловали?

– Мое имя Варвара Дмитриевна Олсуфьева, – в который раз за дальнюю дорогу соврала Варя. Она надеялась, что отец, который непременно будет ее искать, не сможет найти дочь по этой фамилии. – Я приехала к своему брату. Он работает на Андреевских рудниках. Тоболев Василий Егорович сказал, что у вас в доме можно остановиться на постой. Я денег заплачу. Тридцать рублей за месяц, вот возьмите, – добавила девушка, вынимая из муфточки кошелек с серебром и кладя его на стол.

– Ох, как снег на голову, – произнесла медленно молодая женщина, вытирая мокрые руки о передник, и приблизилась к Варе. – Меня Ариной Афанасьевной кличут. Вы, поди, из самой столицы путь держите?

– Вы правы, из Петербурга.

– И долго вы, барышня, намерены пробить в наших краях?

– Пока не знаю, возможно, несколько месяцев. Так мне можно остановиться у вас на постой? – устало и просяще спросила Варя, устремив несчастный взор на Арину Афанасьевну. Многодневная утомительная дорога давала о себе знать, и девушка невольно прислонилась к дверному косяку, падая от дикой усталости.

– Наверное, вы сможете остановиться у нас. Но мне с мужем это надо еще обсудить. Мы очень просто живем. Можем вам выделить лишь одну из спален. Да и еда у нас простая. Прислугу не держим. Денег-то у нас немного.

– Я понимаю. И совсем не стесню вас, – согласилась Варя и искренне улыбнулась женщине, на приветливом лице которой читалось участие и почтение. На вид Арине было около тридцати лет. Она была среднего роста, с полной грудью и широкими бедрами.

– Ну, ежели вас не смущает наш простой дом, то оставайтесь, – кивнула Арина. – Лишние деньги нам в хозяйстве всегда нужны.

– Вот и договорились, – облегченно заявила Варенька и положила муфточку на деревянный табурет, стоящий рядом.

– Вещей-то много у вас барышня? – спросила Арина.

– Нет. Один сундук там, в санях.

– Дед Анисий, – обратилась женщина к старику, что стоял за спиной девушки. – Будь добр, сходи за вещами барышни. И отнеси их в дальнюю спальню.

– Хорошо, хозяйка, – заметил старик и поковылял наружу.

– А вы раздевайтесь, барышня, и садитесь поближе к печи. Вижу, что вы совсем замерзли. Скоро вечерять будем.

– Извините, Арина Афанасьевна, – произнесла вежливо Варя. – Мне нужно рассчитаться с извозчиком.

– Конечно, барышня.

Варя быстро вышла из сеней, пройдя на двор. Извозчик так и стоял у ворот, терпеливо дожидаясь на трескучем морозе девушку.

– Вот возьмите вам за услуги, – сказала Варя извозчику, протягивая ему червонец. Краем глаза девушка отметила, как дед Анисий стянул с телеги сундук и поволок его в дом.

– Благодарствую, барышня, – кивнул мужик и, еще раз оглядев девушку с ног до головы, проскрежетал: – И что вам, барышня, в краях наших надобно, не пойму никак? Да ладно, дело ваше, прощайте...

Извозчик стегнул лошадь, и сани проехали мимо Вари, подняв комья белого снега. Девушка долго смотрела вслед извозчику и размышляла о том, отчего она все же приехала в такую даль? Варя вспомнила, как Алексей в тот раз прогнал ее от себя. И зачем она теперь последовала за Олсуфьевым в это глухое селение, где все было ей чуждо и незнакомо? Она не знала, что делать дальше и как здесь жить? И вообще, удастся ли ей увидеться с Алексеем? Да и захочет ли молодой человек говорить с ней? Но одно Варя понимала очень хорошо, что ради любви к нему готова на многое и сейчас, видимо, должна научиться жить в этом непри-

глядном жутковатом месте. Возможно, Олсуфьев, увидев ее преданность, в скором времени сможет полюбить ее так же сильно, как и она его.

Девушка обернулась на двухэтажный дом с зелеными резными ставнями, и на ее глазах выступили слезы от убогого вида жилища. Она привыкла к каменным дворцам с широкими парадными лестницами и садами. И как ей жить в этом простом доме, который, как сказал казак Тоболев, один из лучших в этом селении? Она провела взглядом по соседним деревянным избам с воротами, которые были гораздо беднее и проще, и ее настроение окончательно испортилось. Варя несчастно вздохнула.

Поднялся сильный снежный вихрь, и ледяной воздух обжег ее щеки. Девушка зябко сжалась в своей собольей шубке. Нищета местных жилищ, ледяной пронизывающий ветер, трескучий мороз, непонятные, жесткие и мрачные люди, которые окружали ее, сейчас показались изнеженной девушке совсем не такими поэтичными, как ей грезилось в Петербурге. Суровая неприглядная реальность пейзажа и осознание всего трагизма своей несчастной любви захватили существо девушки. Печальные мысли и тревожные думы начали терзать ее сердце, и Варя ощутила, что грудь сдавило железное кольцо. Она попятилась к воротам, схватившись за деревянный сруб, пытаясь сделать несколько шагов во двор. Но горло сковал сильный кашель. Она оперлась о ворота. Поняв, что у нее начинается приступ, она пыталась подавить дурноту. Дыхание ее стало прерываться, и она начала нервными рывками заглатывать спасительный воздух. Однако уже через миг Варенька, закатив глаза, без сознания упала около ворот.

Глава V. Барынька

Твердышев перевел коня в иноходь, едва поравнялся с крайними избами на Вознесенской улице. Уже через минуту он достиг своего дома, что стоял посреди улицы, и резко осадил жеребца. Ворота отчего-то были открыты. Его удивленный взгляд переместился ниже на нечто темное на снегу и замер на неподвижной фигуре. Женщина в длинных фиолетовых одеждах лежала у ворот и не шевелилась. Мысль о том, что она мертва, тотчас возникла в его голове, и он нахмурился.

Почуввав неладное, Матвей быстро спрыгнул с коня на протоптанную снежную тропинку. Стремительно приблизившись к воротам, он склонился над лежащей на снегу женщиной. Он тут же узнал ее. Эта была та самая надменная девица, которая говорила с ним на мосту, и именно та, которую он впервые повстречал пару лет назад во время страшной чумы в Москве. Сегодня, случайно увидев ее днем в саниах на каменном мосту, он сразу же вспомнил девушку. Ее редкая соблазнительная красота была невозможно притягательной и осталась в памяти Матвея еще с той самой встречи в Москве.

В следующий миг из носа неподвижной девицы вырвалось горячее дыхание. Твердышев облегченно вздохнул, поняв, что она всего лишь в обмороке. Он решительно поднял ее на руки. В ноздри ударил ее запах, едва уловимый, нежный, медово-цветочный. Сильнее нахмурившись, он без промедления направился с девицей через ворота к дому.

– Арина! – громко позвал Матвей, проходя сени. Распахнув ногой дверь в просторную общую комнату, он вошел и отыскал взором жену.

– Что такое? – удивилась та, отложив в сторону полотенце и устремившись к нему.

– Вот подобрал у наших ворот, валялась без чувств, прямо на снегу, – бросил сухо Твердышев, усаживая бессознательную девушку на деревянную скамью и опирая ее спиной о стену. – Эй, барышня, – он легонько похлопал Варю по щекам.

– Подожди, не надо так, – возмутилась Арина, отталкивая мужа и озабоченно глядя в недвижимое лицо девушки. – Сейчас корня вонючего достану.

Арина быстро развернулась и полезла в шкаф, что висел сбоку. Матвей вновь наклонился над барышней. Она так и не шевелилась. Ее невероятно юное бледное лицо с тонкими чертами и чуть вздернутым носиком красиво обрамляли темные волосы. Шляпка, подбитая мехом, кокетливо венчала ее голову и завязывалась атласными лентами под подбородком. Взгляд Матвея остановился на полных ярких губах девушки.

– Отойди, Матвей, – велела Арина, почти оттолкнув мужа. Женщина поднесла корень к носу девушки, и спустя миг Варя, открыв рот, глухо простонала. Она открыла глаза и уставилась на женщину, что склонилась над ней. – Ну вот, наконец-то! – воскликнула Арина. – А то мы уж было испугались. Как вы себя чувствуете, барышня?

Варя сглотнула и, сев на скамье прямо, печально улыбнулась.

– Вроде лучше.

– Вот и хорошо, барышня, – кивнула Арина и отошла от нее. Варя проследила взглядом за женщиной и заметила, что с печи свешиваются головки двух светловолосых девочек, с любопытством глядящих на нее.

– А отчего это вы валялись у наших ворот, позвольте спросить? – вдруг раздался грозный голос сбоку от нее.

Испуганно переведя глаза вбок, Варя увидела того самого молодого мужчину, что повстречался им на мосту еще в Кунгуре. Он был в том же темном коротком меховом тулупе, но без шапки, и его густая темно-русая короткая шевелюра падала на лоб. Опешив от его недоброго сверлящего взгляда, девушка уставилась на грозное лицо и лишь пролепетала:

– У меня случился приступ удушья, и я потеряла сознание...

– И как вы оказались у нашего дома? – не унимался Твердышев, сверкая на нее мрачным взором. – Вы же вроде к бургомистру ехали?

– Арина Афanasьевна любезно согласилась принять меня на постой.

– Что-что? – грозно заметил Матвей, оборачиваясь к жене, которая спускалась с печки.

– Матвей, иди раздевайся, что ты встал у дверей, – пожурела его она, проходя мимо недовольного мужа, который так и стоял, не раздеваясь, уперев одну руку в бок. Вновь подойдя к девушке, Арина, обернувшись к печи, и велела: – Маня, спускайся, принеси теплой воды. Вы, барышня, лицо обморозили. Надо погреть.

– И давно в моем доме баба командует? – возмутился Матвей, зло зыря на жену. Варя искоса бросила быстрый взгляд на высокую широкоплечую фигуру Матвея Гавриловича в коротком тулупе, темных штанах и сапогах. Он как-то угрожающе постукивал по бедру концом хлыста, что был в его руке. Весь его грозный, недовольный вид навел Варю на мысль о том, что этот человек явно не намерен оставлять ее в своем доме. Однако искать иное прибежище у нее не был сил, оттого она как можно приветливее улыбнулась ему и молящее произнесла:

– Прошу, позвольте мне остаться. Я вам хорошо заплачу.

– Нет у нас лишнего места, – тут же отрезал Твердышев, отчего-то от улыбки этой столичной модницы ему стало совсем не по себе, и он сильнее сдвинул брови к переносице.

– Уймись, Матвей. Что ты разошелся-то? – вмешалась Арина, оборачиваясь к мужу. – Ночь уж на дворе. Да и мороз лютый какой день. Куда барышня пойдет?

– Вы не беспокойтесь, Матвей Гаврилович, я вас не стесню, – снова начала Варя, поднимаясь с лавки и устремляя просящий взор на хозяина дома, который был явно не рад ее видеть. – Мне только маленькая комнатка нужна и все. За проживание и еду я буду платить тридцать рублей серебром за каждый месяц.

– Вот матушка, – выпалила десятилетняя Маня, подскочив к ним с деревянным ковшом с водой.

– Не дело это, избалованной барыньке жить у нас! – возмутился Твердышев, едва жена вывела его в соседнюю столовую.

Арина, прекрасно зная крутой нрав мужа, ласково провела ладонью по его руке и тихим вкрадчивым голосом произнесла:

– Почему же избалованной?

– Дак на ее лице все написано! Спесивая и надменная, явно нас за людей не считает!

– Ну, зачем ты так зло говоришь?

– Не зло, Арина, а знаючи. Ты что, думаешь, эти столичные дворянчики что-то знают про нашу жизнь здесь? Да им не интересны наши дела, они всю остальную империю, что далее ста верст от них, за людей не считают. Сидят в своих столицах и только деньги с нас требуют. И чего эта барынька притащилась в такую даль, неведомо. Явно что-то бредовое у нее на уме, нутром чую.

– Ну, Матвей, подумай хорошенько. Видно, что она из знатных. Дворянка как есть. Сказала же она, что ее брат отбывает наказание на Андреевских рудниках, к нему и приехала.

– Что дворянка, и сам вижу, но отчего тогда ее брат каторжник на рудниках? Странно это.

– Я не знаю. Но она обмолвилась, что из самого Санкт-Петербурга приехала. Сам же слышал, что ее брат сослан на рудники по указу императрицы.

– И что? Какая-то темная история у этой барышни. И вообще, не нравится мне она. Сразу видать, своевольница, раз из самой столицы пожаловала одна, без родителей и мужа.

– А может, у нее нет мужа?

– Пусть и нет. Но не дело это, одной девице шататься по дорогам лихим, а она, видать, точно не в своем уме, раз такое вытворила. Очень я сомневаюсь, что ее родители или муж

разрешили в одиночку в наши края приехать. Странная девица эта, чего-то недоговаривает. Не думаю, что она может остаться у нас в доме.

– Но Матвеюшка, не руби с плеча. Подумай, куда ей теперь идти?

– Ариша, у нас нет места, – уже более спокойно произнес Матвей, чувствуя, как Арина прижалась мягкой грудью к его телу и ласково гладит его спину ладонью. Он отчетливо понял, что жена прекрасно знала, как успокоить его. Женская ласка и близость сразу же затуманили ему голову, а в ноздри ударил хорошо знакомый запах трав и молока, который был присущ жене.

– Как нет? А пустая дальняя комнатка?

– Дак для следующих детей ее готовили.

– Ну, Матвей, подумай хорошенько. Если она проживет у нас хотя бы до лета, получим сто рублей. Сможем у Балакирева мастерскую полностью выкупить и сами на себя работать. Ты же мечтал об этом. К тому же где ей еще жить, как не у нас? Она ведь к хоромам привыкла. А после особняка воеводы и дома отца Иллариония наш дом лучший во всей округе.

Матвей упорно молчал, глядя на жену. Его нервировала только одна мысль о том, что эта барышня с золотыми глазами и медовым запахом будет находиться рядом. В тот миг, когда девица открыла глаза, придя в себя, он сразу же ощутил, что ему не хватает воздуха от ее близости. Два года назад на площади, когда он оказался в Москве проездом и впервые увидел ее в толпе в толчее, ее прелестный нежный облик всколыхнул все его существо. Тогда она была совсем юной, но Матвей почувствовал, что ее красота притягивает его. Однако он прекрасно понимал, кто он и кто она. И отдавал себе отчет в том, что подобная барышня никогда не будет ему ровней.

И нынче словно по какому-то неведомому року, эта самая девица оказалась здесь и просила постоа в его доме. Инстинктивно Твердышев чувствовал, что надо держаться от этой надменной барышни подальше. Она была слишком красива и изысканна, к тому же вела себя надменно и чересчур воспитанно. Матвей ощущал себя неловко в ее обществе теперь. На все его выпады она отвечала вежливо и сдержанно, и это до крайности раздражало его. Однако Арина смотрела на него таким просящим взором, что Матвей чувствовал, что не может отказать жене в просьбе. Тяжело вздохнув, он нахмурился.

– Хорошо, будь по-твоему, Ариша, – согласился Матвей, притягивая жену ближе к себе. – Пусть живет. Но впредь не решай без меня.

– Ладно, Матюша, – кивнула Твердышева и, обвив шею мужа, приникла к его губам.

Вареньке отвели дальнюю комнату на втором этаже дома, рядом с детской спальней. Комнатка была небольшая, но уютная, с небольшой кроватью и мягкой периной, комодом и деревянным шкафом. Ее окна выходили на центральную улицу поселка, и девушка, часто сидя у окна по вечерам, наблюдала за местными жителями.

Из-за морозов дочери Твердышевых, Маша и Танюша, спали на печке внизу, где было значительно теплее. Варя оставалась на верхней половине дома одна на всю ночь. Тишина нравилась ей. Девушка была даже рада уединению, ибо после десяти дом стихал, а Варенька с маленькой лучиной подолгу сидела у окна и, смотря на выюгу, которая кружила снаружи, мечтала о том, что, возможно, вскоре ее жизнь изменится, и она наконец обретет счастье с Алексеем.

Заплатив за первые два месяца шестьдесят рублей, она осталась довольна своим новым пристанищем и начала привыкать к жизни в этом суровом незнакомом месте. Из дома она почти не выходила, так как в округе стояли трескучие морозы. Уже через день спросила у Арины Афанасьевны, как можно добраться до рудников, где находился Олсуфьев. Твердышева заявила, что, пока метет метель и идет снег, дорога будет непроезжей. Возможно, через неделю

или две погода станет более благоприятной, и она сама поговорит с Матвеем, чтобы он отвез девушку на рудники.

Варя согласилась ждать и, не зная, чем себя занять, болталась по дому несколько дней без дела, скучая. В Петербурге у нее было много дел: с утра она заглядывала в разные лавки и модные салоны в поисках обновок, после обеда ездила с визитами к подругам и родственникам, на охоту или скачки. Ближе к вечеру навещала различные богоугодные заведения или делала пожертвования в монастыри. Вечером она наряжалась и спешила на бал или очередной раут, которые в столице зимой устаивались ежедневно, а иногда и в нескольких местах сразу. Уже за полночь, вдоволь натешившись танцами, она, усталая, возвращалась с отцом домой и засыпала беспребудным сном до девяти-десяти часов утра.

Здесь же, в этой глухой местности, где не было ни книг, ни развлечений, ни раутов, ни богатых дворян, девушка не знала, чем себя занять. Уже на следующее утро после приезда, несмотря на трескучий мороз, Варенька обошла большую часть села и выяснила, что в Иргинском поселении всего несколько общественных заведений: Вознесенская церковь, местная ткацкая мастерская и скобяная лавка купца Балакирева. Остальными постройками были в основном жилища с захудалыми дворами и с деревянными земляными избами, где жили заводские рабочие с семьями и живностью. Исключение из общей картины нищеты составляли дома Твердышевых, воеводы и священника. Они были двухэтажными, стояли на возвышенностях и слыли лучшими в округе.

В связи с новым местом обитания привычная одежда и прическа девушки претерпели изменения. С собой Варя взяла лишь полдюжины простых платьев с узкими нижними юбками и без громоздких кринолинов, ибо понимала, что в дороге и этой глухомани вряд ли кто-то оценит ее наряды, и совсем не пожалела об этом. Ее хоть и простые, но сшитые из дорогого сукна платья были очень удобны и имели неширокие юбки, наподобие которых носили мешанки или Арина Афанасьевна. За неимением горничной, да и щипцов, Варя теперь не завивалась. Свои густые длинные волосы цвета темного шоколада девушка зачесывала назад, собирая в затейливый узел на затылке, и такая прическа ей была вполне к лицу, открывая совершенные, милые черты юного лица.

Уже через пару дней, чтобы убить время, она попросила Арину, которая весь день крутилась, как белка в колесе, научить ее готовить еду. Вначале удивленная желанием девушки Твердышева быстро согласилась и показала, как приготовить наиболее простые блюда. Варя с удовольствием освоила пару рецептов местной кухни и в течение последующих нескольких дней приготовила щи, сварила кашу и даже испекла хлеб в русской печке. В итоге девушка осознала, что приготовление пищи весьма интересное занятие, по крайней мере лучшее, чем тупо сидеть у окна и смотреть на пустынную улицу.

Спустя еще пару дней девушка предложила научить Машеньку и Танюшу читать. Сама Арина была неграмотной, и лишь Матвей, который учился в Екатеринбурге лет пятнадцать тому назад, знал правописание и читал местные ведомости, которые доставлялись раз в месяц в село курьерами вместе с почтой. В этот раз Арина смутилась и заметила, что ей неудобно обременять этим барышню. Однако однажды вечером, когда Варя обратилась с этой просьбой к Матвею Гавриловичу, он как-то странно изучающе посмотрел на девушку, а затем, пожав плечами, бросил:

– Если у вас есть охота, учите.

На том и порешили. Перо, чернила и бумагу для письма Твердышев принес с завода. Учить же детей читать Варя стала по двум газетам, а также по старой библии, которая некогда принадлежала матери Матвея. Дед Анисий, который жил в доме Твердышевых из милости, косо поглядывал на эти занятия и лишь ворчал, что в деревне грамота ни к чему. К Вареньке девочки всегда относились с почтением. Во время занятий внимательно слушали и старались верно вывести на листе бумаги все показанные буквы.

Спустя пару недель день Вари проходил так: утром она вставала около семи и помогала Арине готовить утреннюю трапезу. Твердышев завтракал рано и уже в седьмом часу был на заводе. После Арина, которая вставала засветло, занималась скотиной: двумя коровами, лошастью, парой свиней и целым выводком кур. А в это время Варя с Машенькой мыли посуду. После Варя и девочками садились заниматься чтением или вышиванием, а Арина уходила на весь день в ткацкую мастерскую. Твердышевы были ее совладельцами наравне с купцом Балакиревым. Ближе к полудню Варя готовила обед, затем немного отдыхала или ходила в церковь. Дед Анисий чем мог помогал девушке: колол дрова, приносил тяжелые ведра с водой с колодца, растапливал печь. В остальное же время он тихо дремал на стареньком стуле, привалившись дряхлой спиной к теплой печи. Вечером все домочадцы собирались за большим столом за вечерней трапезой, а затем, около десяти, разбредались по своим спальням.

Старшей дочери Твердышевых, Маше, было десять лет. Со светлыми волосами, озорной улыбкой и худенькими плечами, она была хорошей помощницей матери по хозяйству. Младшей, Танюше, шел шестой год, и она очень походила на отца: густыми темными волосами, зеленью глаз и энергичностью. Она была непоседливым, шумным, добрым ребенком. Обычно при матери Таня часто шалила, но, если в доме находился отец, девочка была тише воды и в основном не показывалась ему на глаза. Варя видела, что она побаивается Твердышева, хотя Матвей Гаврилович не был строг с детьми. Мало того, он часто качал на коленях девочек или приносил им лакомства в виде засахаренных петушков или пряников.

Это весьма удивляло Варю, ей думалось, что такой властный, строгий мужчина с непрклонным характером не может быть ласковым. Однако однажды за вечерней трапезой за столом, на замечание Арины о том, что не стоит покупать столько сладостей девочкам, он как-то по-доброму оскалился и ответил жене:

– Вот парня родишь, тогда и баловать его не буду.

– А чем же мальчик хуже? – не удержалась Варя от вопроса.

– Парней надо держать в кулаке, чтоб всяких безобразий не чинили, да потом, в старости, меня не опозорили, – объяснил хозяин дома. – А девки, они подарки и ласку любят, оттого и послушные делаются, вот как мои дочурки.

Это заявление Твердышева Варя восприняла молчаливо, про себя решив, что Твердышев, скорее всего, неправ. Ведь отец баловал не только ее, но и Николая. И не разделял свою любовь по полу ребенка.

Иногда по вечерам, когда Твердышев задерживался на заводе допоздна, а дед Анисий храпел в дальней маленькой комнатухе, женщины, накормив детей и уложив их спать на теплую печку, при лучине просиживали часы за рукоделием и разговаривали. Арина часто тайком рассказывала Варе неприятные слухи о притеснении казаков со стороны властей. И что казаки, проживающие на реке Яик, очень недовольны и грозятся собрать войско для похода на Петербург. Иногда Арина рассказывала, как тяжело приходится рабочим на заводе, и что Твердышев держит людей в строгости и спуску не дает. Требует, чтобы все трудились на совесть, и даже иногда бывает слишком строг, не брезгуя телесными наказаниями.

Эти разговоры задевали Вареньку за живое. Наивная девушка искренне жалела заводских людей, которые сильно нуждались и жили впроголодь. Несколько раз она вместе с Твердышевой навещала семьи бедняков, где было по дюжине детей, и все выглядели голодными. При Матвее Арина боялась заводить такие разговоры и втайне от мужа помогала бедным деньгами или съестными припасами. Варя, не понимая, отчего Арина скрывает свои визиты к беднякам от мужа, один раз спросила:

– А разве Матвей Гаврилович против милостыни?

– Отчего же против? На постройки всякие общественные он и сам жертвует. А заводским редко. Говорит, чтобы завод был на плаву, надо экономить и работать больше.

Чем больше Варя слышала подобные фразы от Арины, тем более неприятен ей становился Твердышев. Он казался ей суровым непробиваемым управляющим, которому все человеческие слезы и печали безразличны. Однако, как и Арина, все свои недовольства девушка держала при себе, ибо даже она опасалась крутого вспылчивого нрава Матвея Гавриловича. Один лишь тяжелый пронизывающий взгляд его темно-зеленых глаз наводил Варю на неприятные мысли о том, что этот человек ценит только свое мнение и, естественно, не будет слушать чужое. Твердышева она старалась избегать и встречалась с ним лишь за вечерней трапезой.

По вечерам, около восьми, когда хозяин дома возвращался с завода, все домочадцы сразу притихали. Дети становились незаметными, а Арина пыталась угодить мужу. Матвею было тридцать лет. Высокий и широкий в плечах, он имел крепкое телосложение и твердую поступь. Темно-русые волосы его и густая короткая борода подчеркивали красоту сурового широкоскулого лица и цепкого зеленого зора. Он постоянно ходил в одной и той же одежде: черных штанах, кожаных, утепленных мехом сапогах, темной рубаше простого покроя и черном кафтане-сибирке. Поверх одежды надевал короткий тулуп и меховую соболью шапку.

Оттого, что Твердышев постоянно ездил верхом на своем гнедом рысаке, плетъ треххвостка была привычна в его руке. Весь мрачный вид его наводил Варю на неприятные мысли о том, что Твердышев – жесткий, упрямый и властный мужчина. С женой он обращался вежливо, но холодно, с детьми – то повелительно, то на удивление нежно, к ней же он относился настороженно и немного отстраненно. Он мало говорил с девушкой и редко смотрел в ее сторону. Правда, иногда Варенька ловила на себе его тяжелый оценивающий взгляд, и отчего-то ей становилось не по себе. В эти моменты Варе казалось, что Твердышев будто изучает ее. Но стоило ей поймать его настойчивый взгляд на своем лице, Матвей Гаврилович очень медленно, словно нехотя отводил взор в сторону, и Варя вздыхала свободно.

За весь месяц, проведенный в его доме, Твердышев перебросился с ней лишь парой фраз, которые касались в основном дальнейших намерений девушки и времени ее пребывания в их краях. Варя отвечала, что хочет помочь брату и облегчить его жизнь на рудниках, потому останется здесь, пока Олсуфьев будет нуждаться в ней. Слыша ее ответ, Твердышев недовольно поджимал губы и молчал, лишь однажды заметил, что, когда выюга утихнет, свозит ее на рудники по просьбе Арины.

Глава VI. Олсуфьев

Весь месяц стояли трескучие морозы. Но уже в конце апреля солнце стало припекать сильнее, потеплело, и дороги сделались вполне приемлемыми для езды. В тот воскресный день двадцать пятого апреля, Твердышевы, вернувшись из церкви, обедали всем семейством в столовой. В какой-то момент Матвей Гаврилович произнес:

– Завтра в два часа пополудни я поеду на Андреевские рудники по делам. Если желаете, Варвара Дмитриевна, могу взять вас с собой.

Варя едва не поперхнулась щами и, тут же улыбнувшись Твердышеву, который как-то странно пронзительно смотрел ей в глаза, сказала:

– Я буду очень благодарна вам, сударь.

– Значит, решили. Завтра в половине второго мы с Никитой Степановичем заедем за вами, будьте готовы.

– Спасибо, – кивнула Варя и вновь улыбнулась.

– И еще, – добавил он и прищурился: – Там в сенях валенки для вас. Наденьте завтра, а то в своих сапожках окоченеете. Путь-то неблизок.

– К Ульяне Ильиничне, что ли, за валенками ходил? – удивилась Арина, вопросительно глядя на мужа.

– Ну да, к ней, – буркнул Твердышев и вновь уткнулся в свою деревянную миску.

Путь до рудников занял около двух часов. Варя, как и велел ей Твердышев, надела валенки и ни разу не пожалела об этом. Хотя лютые морозы спали, но на улице было еще довольно холодно. И за долгий путь в санях девушка все же довольно сильно замерзла. Она сидела позади мужчин, которые громоздились на небольшом облучке впереди. Матвей правил двумя лошадьми, а Никита Степанович, мастер с завода, всю дорогу без умолку болтал. Из разговора Никиты Степановича Варя поняла, что Твердышев намерен договориться о покупке руды с Андреевских рудников. А мастер ехал на рудник на несколько дней, чтобы осмотреть качество руды и решить, пригодна ли она для их изделий.

Места назначения они достигли около четырех часов пополудни. Мужчины немедленно направились в небольшой деревянный одноэтажный дом, где жил управляющий рудниками. Варя же устремилась в сторону неприглядных деревянных землянок, которые виднелись чуть в отдалении, намереваясь разузнать, где живет Олсуфьев. Ей вдогонку Твердышев громко повелительно велел:

– Долго не ходите. Если замерзнете, приходите в избу управляющего, чтобы погреться.

Варя согласно кивнула и, почти тут же забыв про существование Твердышева, поспешила к землянкам. Войдя в первую из них, она обнаружила ее пустой. И, лишь выйдя на улицу, заметила заросшего мужика в неприглядном оборванном тулупе.

– Барышня? Вам чего здесь? – опешил мужик, не ожидая увидеть перед собой богато одетую девушку в шляпке. Изысканное синее платье из дорогой ткани и вышитая короткая шубка, отороченная мехом, отчетливо выдавали в Варе дворянку.

– Мне нужен Олсуфьев Алексей Иванович, вы знаете его?

– Ну, может, и знаю.

– Вот возьмите, – быстро произнесла она, сунув в грязную руку мужика серебряный гривенник.

– Ух, барышня, благодарствую. Он там, у второй шахты, – мужик указал на черную высокую гору, покрытую снегом. – Сейчас как раз заканчивается получасовой отдых у них. Так что поспешайте.

– Спасибо, – бросила Варя неприглядному мужику и немедленно направилась в указанную сторону.

Каторжники сидели прямо на влажном от талого снега бревне у входа в каменоломню. Грязные, вонючие и замерзшие, они с ожесточением поглощали из деревянных мисок пустую кашу и зло смотрели на двух надсмотрщиков, которые стояли рядом.

– Давайте живее, – прикрикнул один из охранников. – Работать уже нужно!

– Дай хоть передохнуть, ирод, – буркнул один из мужиков.

– Ты поговори у меня еще, Тимошка! – прикрикнул на него охранник. – Ты это чего, на гулянье сюда пришел? Ваше дело как надобно работать и вину свою тяжкую искупать!

Варя поморщилась от последней фразы приказчика и, заметив приметную высокую фигуру Олсуфьева, поспешила к нему. Он, как и остальные, сидел на бревне и, уже поев, устало сторбившись, ковырял грязным валенком проталину. Вид его, неухоженный и усталый, испугал девушку. Она до сих пор помнила, каким он был еще полгода назад, на том великолепном балу, когда отверг ее. Нынче же его облик вызвал у нее молчаливый вскрик.

Олсуфьев невольно поднял голову и остолебенел. Варенька Андреевская, собственной персоной, в темно-синем платье и собольей шубке, в белой, отороченной мехом шляпке-капоре, стояла перед ним, словно только что вышла на прогулку по Невскому.

– Варя? Вы? – опешил Алексей.

Он тут же вскочил на ноги и закашлялся. Несколько раз моргнув, мужчина осознал, что это не виденье, девушка действительно стоит перед ним и, дрожа от холода, тербит в руках меховую муфточку.

– Алексей Иванович, я так рада вновь видеть вас, – полепетала Варенька замерзшим голосом, не спуская влюбленных глаз с его изможденного бородатого лица.

– Зачем вы приехали? – сорвался вопрос с уст Олсуфьева, и в его рту появилась горечь. Как же он хотел вновь увидеть другую девушку, не эту, темноволосую и золотоглазую, стоящую перед ним, а совсем иную. Ту, из-за которой попал сюда.

– Эй ты, девица, чего тебе надобно?! – раздался злой окрик одного из надсмотрщиков, который проворно приблизился к ним, вытащив из-за пазухи плетль.

Варя испуганно оглянулась на охранника, быстро придумывая, что ответить. В этот момент позади них раздался громкий голос:

– Ты, Пахомыч, не кричи. Видишь, сестра к брату приехала!

Твердышев подошел к ним и предостерегающе взглянул на охранника.

– И что? – огрызнулся Пахомыч. – Разговоры во время работы запрещены! У нас сроки и куча работы. Ты, Матвей Гаврилович, знаешь наши порядки. Пусть вечером после девяти в избу к нему приходит, когда ему отдых положен.

– Можно мне поговорить с ним всего несколько минут? – Варя быстро сделала шаг к охраннику и сунула в его руку перстень с красным рубином. – Вот возьмите.

– Ох, что вы, барышня! – опешил тот от явно дорогой взятки. – И что ж вы хотите?

– Можно переговорить с вами наедине? – попросила она.

Мужчина указал ей в сторону, и они чуть отошли от Твердышева и Олсуфьева. Варя, понизив голос до шепота, сказала охраннику:

– Если это возможно, могу я простить вас об одолжении?

– Ну конечно, – уже более приветливым тоном заметил охранник, припрятывая перстень за пазуху.

– Прошу вас, разрешите мне сейчас поговорить с братом.

– Ну, минут десять, не более. Ему на работу пора.

– Да, да, я недолго, – кивнула Варя и поспешила к Алексею.

Приказчик вместе с Твердышевым отошли к горе, следя за тем, как остальные каторжники следуют обратно в каменоломню. Варя же вновь приблизилась к Олсуфьеву. С любовью смотря в лицо молодого человека, она воодушевленно пролепетала:

– Вот я обо всем договорилась.

Алексей молчал и все более мрачнел. В следующий миг он посмотрел поверх головы девушки и холодно раздраженно выпалил:

– Зачем вы приехали, Варвара Дмитриевна?

– Вы же знаете, что очень дороги мне, Алексей Иванович.

Он обратил на нее ледяной взор и почти зло произнес:

– Вы зря приехали, Варвара Дмитриевна. Если вы думаете, что мое отношение к вам изменилось, то вы ошибаетесь.

– Но я всего лишь хочу... – начала мямлить Варенька, опустив глаза и кусая губы. А про себя досказав фразу: «...я надеюсь, что все изменится. Да именно так и будет, вы, Алексей Иванович, оцените меня и вскоре ответите на мою любовь, я надеюсь на это!»

– Варвара Дмитриевна, уезжайте, – уже грубо добавил Олсуфьев. – Вам здесь не место. Неужели вы не понимаете, что совершаете большую глупость? Возвращайтесь в Петербург к отцу, говорю вам это как старший брат.

– Вы мне не брат! – ошетижилась Варенька и недовольно зыркнула на него яркими очами. – И никогда им не будете! А я никуда не уеду, знайте это!

– Вы просто упрямая своенравная девица! Вот вы кто! – выпалил гневно он и, стремительно развернувшись, направился в сторону горы.

Варя от досады прикусила губу, радуясь тому, что они говорили в стороне от других людей, и их разговор не слышали. Ибо она совсем не жаждала, чтобы другие люди видели ее очередное унижение от этого невозможного Алексея. Едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, она долго смотрела на его удаляющуюся фигуру и чувствовала, что сердце дико болезненно бьется. Она не отрывала взгляда от Олсуфьева, пока он не скрылся в каменной шахте.

– Ступайте в избу к управляющему, – раздался над ее ухом низкий баритон Твердышева. Варя вздрогнула, так как не заметила, как он приблизился. – Чаю горячего попьете, согреетесь. Чуть позже домой поедem, – добавил он командным тоном.

Едва не плача, девушка, даже не взглянув на Твердышева, развернулась и поплелась, куда он велел. Проходя мимо одного из барачков, она заметила маленького серого котенка. Он жалобно мяукал, видимо, замерзнув, и жался к деревянному срубу. Отчего-то Варя подумала о том, что, возможно, этого котенка еще недавно гладил Алексей, и его рука ласково проводила по мягкой шерстке. Вмиг приняв решение, она подошла к котенку и, подобрав его, сунула себе за пазуху, под шубку.

Чувствуя, что уже сильно замерзла, она быстро направилась в избу, где управляющий собственноручно напоил ее чаем с кренделями. Еще полчаса спустя появился Твердышев и заявил, что пора ехать, а то скоро стемнеет. Варя уже почти успокоилась после разговора с Алексеем и согласно кивнула в ответ. Поблагодарив управляющего рудниками за чай, она вышла на улицу вслед за Матвеем Гавриловичем. Испросив разрешения Твердышева сесть рядом с ним впереди, Варя взобралась на облучок. Матвей поправил сбрую на лошадях и проворно уселся рядом с девушкой. Едва он взял в руки вожжи, как послышалось громкое мяуканье.

– Это что еще? – насторожился Твердышев, уткнувшись взглядом на ее грудь, где была отчетливо заметна странная выпуклость.

– Котенок, – ответила она, и из ее чуть распахнутой шубки показалось маленькая волосатая мордочка. – Он здесь на руднике замерзнет. Жалко его. Я его с собой домой возьму.

– Словно дитя малое. Котенок-то вам зачем? – нахмурился он.

– Говорю же вам, Матвей Гаврилович, замерзнет он, жало мне.

Окатив девушку недовольным взором, он более ничего не сказал и начал понукать лошадей, чтобы те сдвинулись с места. Котенок вновь спрятался в Варину шубку, а девушка облегченно вздохнула, думая о том, что этот котенок хоть как-то был связан с любимым Алексеем.

Почти полпути они проехали в молчании, как вдруг Матвей, бросая косые взоры на сидящую рядом девушку, заметил:

– Сморю, не очень-то ваш брат обрадовался встрече.

– Ему не нравится видеть меня здесь, в этой обстановке, вот и все, – буркнула она в ответ, смотря вмиг увлажнившимися глазами вперед, на белую дорогу. – Ему неприятна даже мысль о том, что я буду жить здесь, в этом убогом нищем месте.

– Чего это у нас убогое место-то? – сердито осведомился Твердышев, нахмурившись. – По всей стране люди так живут. Это вы, дорогуша, привыкли в столицах во дворцах танцевать, а жизни простых людей даже и не знаете. Что ж вы думаете, празднества ваши в Петербурге и наряды разве не трудом крестьян куплены? А вы, дворяне, лишь бездельничать привыкли.

– И вы не боитесь говорить подобные вещи? – спросила удивленно Варенька, повернув к нему лицо, и возмущенно добавила, сверкая очами: – Да если мы были сейчас в Санкт-Петербурге, вас бы точно упекли в крепость за эти вольные речи!

– Не вам меня крепостью пугать, – оскалился он ей в лицо. – Мы не в Петербурге! У нас здесь свои порядки и законы!

Он вновь отвернулся к лошадям. Варя же, прокрутив его последнюю фразу пару раз в голове, не сдержавшись, выпалила:

– Слышала я про ваши законы. Арина Афанасьевна мне все рассказывает, как вы на своем заводе над людьми измываетесь и плетьюми наказываете!

Стремительно обратив на девушку тяжелый взор зеленых глаз, Матвей угрожающе прищурился.

– А вы, что ж, думаете, рабочие добровольно по четырнадцать часов работать будут? – голосом, в котором слышался свинец, произнес он. – У меня мало людей, а заказов много, оттого и приходится жестким быть!

– Жестоким, вы хотели сказать? – поправила его Варя ехидно.

После ее слов Матвей резко натянул вожжи, и лошади остановились. Повернув к девушке побледневшее от бешенства лицо, Твердышев коротко прочеканил:

– А ну слазь!

Варя, опешив от его выпада, тут же стушевалась и опустила глаза на муфточку. Поджав губки, она замолчала, опустив голову. Она осознала, что перегнула палку. Ведь с авторитарным и жестким Твердышевым нельзя было так вызывающе разговаривать. Варя прекрасно понимала, что зависит от него. И если захочет, он сегодня же может выгнать ее из своего дома. Он и так сделал ей одолжение и повез к Алексею. Тотчас она засуетилась и, кусая губы, промялила, нервно глядя на него:

– Простите меня, Матвей Гаврилович, я не подумала, что говорю.

– Не подумала она! – процедил он, испепеляя ее взглядом. – Еще баба меня учить жизни будет! Вот новость!

– Извините, но я вам не баба, – начала Варя осторожно. – А, во-вторых, вы сами начали о том, что я бездельница.

– А что, это разве неправда? – ошетинился он.

– Возможно, в столице при батюшке я вела праздную жизнь. Но здесь, в вашем доме, вы прекрасно знаете, что я помогаю по хозяйству Арине Афанасьевне.

– Помогает она! – пробубнил Матвей и стегнул лошадей, чтобы она поскакали. – Вы, Варвара Дмитриевна, в следующий раз думайте, прежде чем такие разговоры заводить. Я ведь вам не крепостной мужик в вашем петербургском имении. И вмиг могу вас из своего села выгнать. И поедете обратно в свою правильную столицу.

– Но я думала, что поселок и завод принадлежит Осокину Григорию Петровичу.

– Принадлежит, – кивнул Матвей и вновь бросил на нее тяжелый взор. – Только он мне дал безграничную власть надо всем и присмотр. В его отсутствие я могу сам порядок вершить. Так что после него я здесь первый судья!

Оставшуюся дорогу домой Варя не осмеливалась говорить с Твердышевым, понимая, что более не стоит злить его. Матвей же, то и дело искоса поглядывал на стройную девицу, которая сидела рядом, и все больше мрачнел. Странное сочетание надменности, изящества, некоего вызова в ее словах и ее прелести приводили его мысли в смятение. Варенька не была простой понятной бабой, с которыми он привык иметь дело. Она явно считала себя выше него и всячески пыталась это показать. И это более всего раздражало. Однако ее невозможная притягательная красота и некая дерзость, которая время от времени проскальзывала в ее словах, вызывали в Матвее странные желания: покорить, подчинить, привлечь эту недостижимую девицу и разгадать ее многогранную непростую сущность.

Более месяца она жила в его доме. И все это время Матвей не находил себе места. Ежедневно возвращаясь домой, видел ее притягательный стройный грациозный стан, прелестное лицо с яркими золотыми глазами с поволокой, темные, переливающиеся в отблесках свечей волосы, забранные в простую прическу на затылке, нежные белые ручки, которые явно не были приспособлены для тяжелой работы, и ему становилось не по себе. Ее плавная, как будто парящая походка, мягкие, кошачьи движения, нежный глуховатый голос и невозможно зазывный глубокий взгляд невольно притягивали внимание. Она почти не разговаривала с ним, однако Матвеем отчего-то хотелось расспросить эту непонятную девицу о многом, но он понимал, что это будет выглядеть странно.

Уже через несколько дней после ее приезда, он отметил, что ему нравится видеть, как она хлопочет на кухне, помогая Арине. Хотя Варенька весьма странно смотрелась у печи в переднике в своих простых длинных батистовых или шелковых платьях, Матвеем доставляла удовольствие эта картина. В присутствии девушки он часто молчал, но иногда расспрашивал ее о порядках и нравах, которые царят в Петербурге. Ему все это было интересно, а Варя оказалась весьма начитанной и знающей девицей для своих юных лет.

Еще спустя некоторое время Твердышев стал недоуменно замечать, что ему нравится общество девицы Олсуфьевой, как она себя назвала еще в первый день. Если Варя проходила мимо, разнося за собой еле уловимый цветочно-медовый запах, или сидела за столом напротив, или просто находилась в комнате, где был он, все существо Матвея наполнялось неведомым доселе удовольствием и умиротворением.

Однажды, с ужасом осознав, что от созерцания девушки его ладони стали влажными, а на лбу выступил от волнения холодный пот, Твердышев испугался. В тот роковой вечер они, как обычно, сидели за трапезой. Лишь Арина отчего-то задерживалась в мастерской, и Варенька сама подавала на стол гречневую кашу и другие кушанья. Матвей молча наблюдал за ней, чуть прищурив глаза и устало опершись о спинку стула. Плавные грациозные движения девушки, ее полные губы, а в особенности опущенные густые ресницы невольно завораживали его. Вскоре она и сама села за стол вместе со всеми домочадцами и, улыбнувшись, сказала:

– Давайте кушать, пока не остыло. Арине Афанасьевне я подогрею, когда она вернется.

Матвей неосознанно устремил пылающий взор на рот девушки, и вдруг его накрыла шальная мысль о том, что ее спелые полные губы невозможно соблазнительны. Эта дикая мысль привела его в крайнее замешательство, и у него пропал аппетит. Испугавшись своих странных, потаенных мыслей, которые вихрем понеслись в голове, он обвел всех домочадцев ненормальным взглядом и резко вскочил на ноги. Что-то буркнув насчет того, что ему надо немедленно видеть купца Балакирева, Матвей вылетел из столовой, оставив в недоумении Варю, детей и деда Анисия.

С того вечера Твердышев потерял покой. С каждым последующим днем он с ужасом отмечал, что его восхищение этой своенравной девицей только усиливается. Он стал возвращаться с завода ближе к десяти, ссылаясь на то, что у него много работы, ибо опасался своих тайных неуправляемых желаний, которые появлялись, едва Варя оказывалась в поле зрения. Однако самыми мучительными стали для него воскресные дни, когда он был свободен от дел. Матвей вынуждал себя придумывать предлоги, чтобы ретироваться из дома.

Вначале мая он снова отвез Вареньку на рудник, по ее просьбе, но теперь всю дорогу упорно молчал. По приезде на место он отмерил девушке всего четверть часа на свидание с братом, а сам отправился в избу к управляющему. Когда спустя полчаса девушка вошла в избу, Твердышев недовольно произнес:

– Что-то вы долго, барышня...

Всю обратную дорогу он так же упорно молчал, ответив Варе отказом на ее просьбу сесть рядом с ним.

Боясь своих потаенных желаний и далеко не невинных мыслей, Твердышев весь последующий месяц с ожесточением работал и редко бывал дома. Он предполагал, что, чем меньше будет видеть эту девицу, с которой они явно из разных «миров», и реже общаться с ней, тем спокойнее будет его существование. Матвей надеялся лишь на то, что, возможно, вскоре девушка устанет от этой суровой действительности и уедет обратно в столицу, тогда его жизнь вновь станет прежней.

Глава VII. Красная горка

В том году весна была дружная. Двадцать четвертого мая, как и полагается в воскресенье, все семейство Твердышевых, а вместе с ними и Варя отправились в церковь на утреннюю службу. Вернулись они домой к обеду, уставшие, но умиротворенные. Ближе к вечеру в дом Твердышевых зашла тетка Анисья, соседка, и прямо с порога заявила:

– Здравсьте, хозяева. Что, на праздник-то идете?

В гостиной находились Арина, Варя и девочки. Все удивленно посмотрели на тетку Анисью, и Арина поинтересовалась:

– На Красную горку, что ли?

– На нее. Гулянье-то уже на широкой речке началось. Посчитай, вся округа собирается. Песни да пироги будут, да игрища всякие.

– Ой, мама я хочу пойти можно?! – затараторила Машенька.

– Анисья Сергеевна, а там весело будет? – спросила Варя, тоже оживившись.

Девушке тоже захотелось пойти, даже на деревенский, но все же праздник. Ведь здесь, в поселке, было так мало развлечений.

– А как же, медовая, – крикнула Анисья, садясь на предложенный Ариной стул. – И танцы будут. Арина, и ты собирайся.

– Куда это собирайся на ночь глядя? – раздался вдруг громогласный голос сзади.

Все испуганно обернулись к двери, словно застуканные с поличным преступницы. Матвей Гаврилович появился на пороге гостиной с седлом в руках и недовольно окинул взглядом всех женщин.

– Дак на реке гулянья, Матвеюшка, – начала тихо, заискивающе Арина.

– И что ж? Не девка уже, а все гулять бы! – раздраженно заметил Матвей и положил седло на лавку у входа. – Починить надо, – буркнул он сам себе и пошел к умывальнику.

– Тятенька, а я могу пойти? – просяще обратилась к отцу Маша.

– Одна не пойдешь, не дело это. А у мамки и дома дел полно, – отрезал Твердышев и, вытерев руки рушником, демонстративно сел за стол. – Ну, что у нас на ужин? – спросил он, переводя разговор на другую тему.

Варя, которая сидела за вышивкой рядом с печью, сердито взглянула на хозяина дома. Твердышев и слышать не хотел о чужих желаниях. Машенька несчастно посмотрела на мать и Арина, вздохнув, попыталась снова:

– Матвей так все поселяне будут. Да и Анисья с нами пойдет. Мы недолго, как вечерять будет, сразу и домой.

– И впрямь, Матвей Гаврилович, – подхватила бабка Анисья. – Что ж плохого, коли мы погуляем немного да людей посмотрим?

– Я сказал нет! – повышая голос, отрезал Твердышев. – У тебя, Анисья, свой мужик есть, с ним разговоры и веди. А в этом доме пока я хозяин! Знаю я, что там на этих гуляньях творится! Безобразие одно! Негоже замужней жене без мужа гулять!

– Дак ты и сам пойд, тятенька, – наивно залепетала девочка, просяще смотря на отца.

– Я полдня крышу чинил, вот только слез. А всю неделю до ночи работал. Нет у меня сил, доченька, по гуляньям расхаживать, – уже более спокойно объяснил он.

Девочка обиделась и, отвернувшись от отца, уткнулась в передник матери. Варя видела, что она заплакала от обиды. Арина же стояла молча и более не решалась настаивать.

– Ну что, кормить-то меня сегодня будут? – недовольно спросил Матвей, зыркнув на жену.

– Ладно, пойду я, – кряхтя, сказала Анисья и, тяжело вздохнув и обведя всех взглядом, поплелась к двери.

– Подождите, Анисья Сергеевна! – воскликнула Варенька. – Я с вами пойду. Я девушка незамужняя и ответ мне не перед кем держать. Пойдешь со мной, Машенька? Или со мной ей тоже нельзя, Матвей Гаврилович? – закончила она, устремив на Твердышева упорный взор-вызов золотых глаз.

Она видела, как по его лицу пробежала тень, и он прищурил глаза, уперев мрачный взор в ее лицо. Все женщины посмотрели на Твердышева, ожидая ответа.

– Идите, не мне вам запрещать, Варвара Дмитриевна, – наконец выдавил сквозь зубы Матвей. – Только за Машуткой следите, чтобы не случилось чего.

– Да все ладно будет. Не бойсь, Матвей Гаврилович, – подхватила тетка Анисья. – Мы вместе с Потаповыми сыновьями и девками пойдем. Все вместе.

– Спасибо, тятенька! – воскликнула девочка радостно.

– Ну что ж, собирайтесь. Через полчаса у ваших ворот встретимся, – скомандовала Анисья и засеменила к выходу.

Варя взвилась с места и поспешила к лестнице, ведущей на второй этаж, а за ней и Маша. Матвей проводил пристальным взором тетку Анисью и, мрачно глядя на щи, которые поставила перед ним жена, недовольно произнес:

– Принесла нелегкая Анисью-то! Да и Машутка совсем боязнь потеряла!

– Что ты, Матвеюшка, сходят ненадолго, да и вернутся, – заворковала Арина над ним, ласково проведя рукой по его густым волосам. – Ты кушал бы, а то щи остынут, Варвара Дмитриевна готовила.

После последних слов Твердышев, который уже подносил ложку ко рту, замер и посмотрел в тарелку. Скорчив недовольную гримасу, он заметил:

– Вот только на эту барышню никакой управы нету, все по-своему сделать норовит.

– Дак, нам-то что за дело? – удивилась Арина. – Она сама себе хозяйка.

– Это уж точно, – сказал зло Твердышев и наконец отхлебнул горячих наваристых щей.

Единственные часы в доме Твердышевых, стоящие на деревянном резном шкафу, пробили девять вечера. Матвей, который чинил стремяна, поднял глаза на подарок Осокина Григория Петровича и нахмурился. За окном уже темнело, а Варя и Машутка все еще не вернулись. Черные мысли сверлили существо Твердышева, и он, недолго думая, заявил жене, которая сидела рядом за пяльцами, что пойдет к реке звать загулявших девиц домой. Арина молча кивнула, как и обычно, беспрекословно согласившись с мужем и, вновь уткнулась в вышивание.

Уже через четверть часа Матвей приблизился к шумному гудящему собранию. Кругом были заводские рабочие вместе с семьями. Повсюду на глаза Матвея, который шел вдоль реки, попадались веселые компании с балалайщиками, распевające песни. Многие, завидев высокую статную фигуру Твердышева, здоровались с ним. Некоторые же, увлеченные весельем, не замечали его и прямо посреди дороги беспшабашно танцевали и громко смеялись. Матвей дошел до самой гущи людей и увидел местных деревенских музыкантов. Пара братьев-балалайщиков, гармонист Илья да местный трубоч лихो играли веселую плясовую.

Матвей несколько раз пробежался взглядом по разряженной красно-темной толпе, прежде чем неподалеку от себя заметил сиреневое платье Вари и красный праздничный сарафан Машутки. Девушки стояли рядом с худощавым казаком, который был одет в парадную форму. Все трое над чем-то весело смеялись. Заняв наблюдательный пост у одной из берез, росшей неподалеку, Твердышев впери́л взор в молодых людей, решив немножко понаблюдать за ними, отчего-то сразу не решившись подойти.

В следующий момент казак обернулся, и он узнал Тоболева Василия, урядника с завода. Нахмурившись, Матвей тут же вспомнил о том, как жена что-то говорила о том, что именно отряд Тоболева спас от разбойников Олсуфьеву, когда она ехала сюда. Через какое-то время к

компании, за которой наблюдал Твердышев, подлетел сын местного кузнеца Никитка в красной косоворотке, румяный и долговязый. Ему было лет пятнадцать. И начал, видимо, зазывать танцевать Машутку. Девочка смутилась и посмотрела на Варю. Та в ответ улыбнулась и что-то сказала девочке на ухо. В ответ Машутка весело рассмеявшись, устремилась за парнем в центр поляны, где были танцы.

Это совсем не понравилась Твердышеву, и он уже было хотел приблизиться, как перед ним неожиданно возник сильно пьяный мужик.

– Доброго здравия, Матвей Гаврилович, – прохрипел мужик и покачнулся.

– И тебе не хворать, Авдеич, – бросил он в ответ, скорчив недовольную мину. – Не забывай, что завтра на работу. Не напивайся в стельку-то. А то завтра мне всю руду перепортишь! – наставительно заметил он.

– Да я и не пил! – воскликнул мужик.

– Домой ступай, – уже властно приказал Матвей.

Мужик поклонился как-то по-шутовски и поплелся дальше. Твердышев же, проводив его предостерегающим взглядом, вновь обратил взор на молодых людей, что стояли впереди чуть правее. Он увидел, как Тоболев поднес ручку Вареньки к своим губам и поцеловал. Этот жест чисто дворянский, который здесь, в поселке, среди этой публики, был явно неуместен, заставил Твердышева замереть. Он вперил взгляд в парочку и отметил, что Тоболев, склонившись над девушкой, что-то шепчет ей на ухо. Варенька весело рассмеялась и закивала.

Молодые люди сорвались с места и направились к танцующим. Играла очередная плясовая. Было заметно, что Варя не знает движений. Однако твердые руки Тоболева направляли девушку и не давали ей сбиться. Одной рукой Василий осторожно придерживал ее за талию, а второй сжимал ее хрупкую кисть. В итоге лишь пару раз ошибившись, она весьма умело протанцевала до конца.

Когда музыка стихла, и со всех сторон раздалось улюлюканье и крики довольных танцоров, которые закончили танец, Варя улыбнулась Тоболеву. Твердышев отметил, что молодые люди вернулись на прежнее место, а Машенька осталась танцевать дальше. Он недовольно взглянул на дочь, которая лихо отплясывала с юношей и всю строила ему глазки. Нахмурившись, Матвей перевел взгляд на другую парочку. Тоболев в этот миг что-то говорил Варе на ушко, склоняясь к ней, а она то и дело смеялась, обратив довольное лицо на Василия.

Нежности и кокетство между молодыми людьми направили мысли Твердышева в мрачное русло. Чем более он смотрел на воркующую парочку, которая явно получала удовольствие от компании друг друга, тем более гадко становилась у него на душе. В голове Матвея не укладывалась, как эта надменная барышня с завышенными требованиями, острым языком и задранном вверх носом, может так вот легко общаться с простым урядником. И не просто общаться, а с искренней радостью танцевать с ним и смеяться в его компании. Или только у них в доме она показывала свою надменную сущность? А когда ей это было выгодно, становилась вполне обычной девицей с ярким румянцем на щеках, озорной улыбкой и приятным веселым характером?

И теперь она открыто кокетничала с Тоболевым и явно хотела ему понравиться. С ним, с Матвеем, она всегда вела себя высокомерно и чересчур вежливо, а иногда даже пыталась спорить, показывая свое вольнодумие и характер. Никогда за два месяца он не видел, чтобы она так весело смеялась, как делала это нынче. Возможно, это происходило потому, что Василий не был женат, имел военную выправку, носил молодецкий чуб по-казацки и выглядел моложе, ибо брил бороду. К тому же Тоболев слыл одним из самых видных парней в поселке, поскольку у урядника был хорошо подвешен язык по части лести и нужного словца для девок, и оттого последние бегали за ним табунами.

Ему же, Твердышеву, хоть он и не уступал Василию по выправке и внешним данным, совсем не по душе было зря лить ненужные пустые фразы для красного словца, а уж угодником

девок он и в юности не был. Матвей говорил кратко и по существу. У него всегда было мало свободного времени и, даже ласкаясь с женой, он говорил лишь пару нежностей и считал это вполне приемлемым.

И сейчас это заискивающе-обволакивающие поведение урядника и сладкие речи, которые он изливал на Варвару Дмитриевну, вызвали в душе Матвея не просто недовольство, а плохо скрываемую злость. В своих мрачных завистливых думах он простоял недолго. Быстро приняв решение немедленно увести Машутку и Варю домой от этой веселой развратной компании, он направился к молодым людям. Но не успел сделать и пары шагов, как на его пути возникла невысокая женская фигура.

– Здравствуйте, Матвей Гаврилович, – поприветствовала его баба в ярком сарафане. Это была мать Василия.

– И вам вечер добрый, Степанида Ивановна, – нехотя поздоровался Твердышев.

– Давно не видала вас.

– Работы много.

– Это ясное дело. Что, погулять пришли? – как-то язвительно спросила Тоболева.

– Вроде того. За Машуткой. Поздно уже, домой Арина звать велела.

– Это правильно, – кивнула Степанида и, указав глазами на Василия и Варю, вымолвила: – Барынька эта все у вас так и живет?

– Живет, куда ж ей деваться, – пожал плечами Матвей.

– А что она за птица-то, расскажите? – не унималась баба. – А то мой Василий все уши про нее прожужжал. Такая, говорит, красивая и такая печальная, что братец-то у ней каторжник на рудниках. Все к вам в дом наведаться хочет, Василий-то мой.

– Зачем это?

– Дак и я его отговариваю. Говорю, что, мол, барышне неинтересно разговор с простым казаком вести. Ведь так?

– Все правильно вы говорите, Степанида Ивановна. Однако сегодня что-то не уследили за сыном-то, – мрачно буркнул Матвей, показывая красноречиво на молодых людей.

– А разве он мать слушает? – обиженно заметила та. – Все равно, говорит, подойду к ней и все. А она, видать, тоже не против пообщаться.

– Угу, – кисло кивнул Твердышев и вновь перевел прищуренный взор на молодых людей.

– Может, что и сладится у них, дело-то молодое, – лукаво усмехнулась Тоболева, указывая глазами на Василия и Варю, которые в этот момент смеялись.

– Молодое-то оно молодое, – медленно растягивая слова, произнес он, – только не того поля ягода барынька эта.

– Как?

– У этой барышни, поди, в столицах богатые и титулованные женихи есть. Фамилия ее не из простых. Ваш-то Василий явно не про нее. Так и вразумите сына, что не по чину ему за дворяночкой-то этой ухлестывать.

– Отчего это вы, Матвей Гаврилович, так говорите?

– Так просто предупреждаю.

– А вы, что ж, в ее охранители заделались, Матвей Гаврилович? – ошетинившись, проворчала Тоболева. – Судите, кто достоин, а кто не достоин барыньки-то вашей?

– Да надо больно, – процедил глухо Матвей. – Вашему сыну лишь добра желаю.

– Ну-ну, я и вижу, – сказала баба, подозрительно глядя на него. – Только мой Василий казак-то холостой. А вот вы, Матвей Гаврилович, мужик женатый. Так вот за своей женкой следите, а не по сторонам глядите.

– Чего? – опешил он и удивленно вперился в седую женщину.

– Бог тебе судья.

Буркнув под нос что-то неразборчивое, Тоболева отошла от него и направилась дальше.

Проводив бабу тяжелым взглядом, Твердышев направился к молодым людям, к которым вернулась раскрасневшаяся, запыхавшаяся от танцев Маша.

– Ночь уж скоро, домой пора, – раздался голос Матвея за молодыми людьми. Все трое обернулись.

– А Матвей Гаврилович, здравствуйте, – по-доброму улыбаясь ему в лицо, произнес Тоболев.

Матвей смерил урядника недовольным взглядом и буркнул приветствие в ответ. А затем перевел взор на дочь:

– Мать домой кличет, пойдем, Маша.

– Но тятя... – начала девочка.

– Домой, я сказал, – медленно повторил Матвей, а затем перевел взор на лицо Вареньки и тихо произнес: – Вы идете, Варвара Дмитриевна?

– Пожалуй, я еще задержусь, – ответила просто девушка и улыбнулась Тоболеву. – Не думала, что здесь так весело будет.

Зло зыркнув на Варю, которая не заметила этого, Твердышев, обращаясь вновь к девочке, глухо выпалил:

– Пойдем, дочка, а то скоро уж спать надо.

Машутка согласно кивнула и пошла вслед за отцом. Варя, же вновь улыбнувшись Тоболеву, попросила:

– А может, снова станцуем, Василий Егорович? Я уже почти все движения выучила.

– Пойдемте, пойдемте Варвара Дмитриевна, вы очень хорошая танцовщица!

Настроение Матвея не улучшилось и на следующий день. Неизвестно почему, накануне он долгое время не мог заснуть. Лишь когда около полуночи хлопнула входная дверь, и Твердышев слышал, как Варя поднимается по лестнице наверх в свою комнатку, он устало прикрыл глаза и, обняв Арину, захрапел.

На следующий день без конца шел дождь. Арина с девочками и Варей в тот понедельник ездили к родственникам Твердышевых в соседнюю деревню и сильно промокли. Когда Матвей вернулся с завода около восьми, в гостиной он увидел лишь Арину, которая хлопотала у печки. На его вопрос она ответила, что Варя и Машутка еще в бане, греются, продрогли по дороге. Арина сама, чистая и румяная, подала ему ужинать. Танюша также румяная после бани, играла в углу комнаты. Твердышев отчего-то засуетился, мгновенно выхлебал грибную похлебку и, закулив трубку, ушел из дому, заявив, что ему надо зайти к старосте.

Однако, спустившись с крыльца, направился в сторону бани, а не к воротам. Уже стемнело. Оттого, приблизившись к деревянной постройке, мужчина остался стоять у небольшого окна, совершенно незамеченным. В этом месте небольшого сада росли вишни, которые полностью скрыли его высокую фигуру от посторонних глаз. В бане горела лучина, освещающая пространство небольшой комнатки, расположенной перед парной. Едва Матвей подошел к окну и приткнул взглядом к узкой прорези, как увидел, что Варя споласкивает девочку водой. Поначалу весь обзор ему загораживала Машутка, но спустя некоторое время она завернулась в полотенце, а затем в старую шубу и ушла в дом. Варя же, оставшись одна, начала намыливать войлочную перчатку.

Матвей, так и оставшись стоять на своем наблюдательном посту, не отрываясь, смотрел в узкое окно, ощущая, как по телу пробегают то горячие, то холодные волны. Прелестное стройное тело девушки нежно-персикового оттенка, с округлыми ягодицами, которые были обращены к нему, заворожало его. Не отрывая жадного зачарованного взора от соблазнительного тела Вареньки, Матвей с упоением и нервной дрожью во всем теле следил, как она намыливает свои плечи и белый живот.

Совесть тут же начала твердить ему о том, что грешно и гнусно смотреть на обнаженную девицу, но алчное желание увидеть все до мельчайших подробностей уже через миг заглушило в нем все доводы рассудка. Жадный взор перемещался от полных полушарий ее белых грудей на узкую талию, затем на округлые покатые бедра, далее на стройные ножки и тем же путем обратно. Ее волосы, темные и мокрые, были собраны на макушке в тугой узел, и Матвей любовался длинной нежной шеей и округлыми худенькими плечами.

Эта нежно-соблазнительная картина юного девичьего тела и осознание того, что оно еще не знало мужских ласк, вкупе с нарастающим страстным желанием привели к тому, что ладони Твердышева вспотели, а дыхание стало срываться. Нервными движениями он убрал трубку из рта и выдыхал белый дым, а затем дрожащей рукой вновь подносил мундштук к губам. Он не отрывал взора от завораживающего вида обнаженной девицы, которая уже ополаскивалась, и еще сильнее придвинулся к окну. В его висках пульсировала лишь одна безумная мысль – войти в баню и овладеть этой невозможно притягательной строптивницей, подчинить ее нежное прелестное тело своим жгучим желаниям.

– Эй, кто это там?! – раздался сбоку неподалеку от Матвея голос деда Анисия.

Он тут же очнулся и затравленно обернулся. Поняв, что в темноте его выдала зажженная трубка, невольно дернулся и нечаянно выронил трубку из рук. В темноте уже ничего не было видно. Он стремительно наклонился, пытаясь нащупать трубку на земле, но ничего не нашел. В следующий миг Твердышев слышал приближающиеся шаги деда Анисия. Поняв, что времени шарить впотьмах больше нет, он проворно устремился прочь от бани.

Уже через минуту он оказался за воротами. Направляясь к дому старосты, Матвей почти вприпрыжку летел по Вознесенской улице. Осознание того, что он неистово вожделеет эту юную барыньку, вид которой только что привел все его чувства и мысли в смятение, обескуражило.

Он не хотел верить в то, что ее прелести настолько заворожили его, что он словно зеленый юнец подглядывал за ней в бане. Ведь спокойствие его души не могли поколебать ни тяжелая работа, ни упорные долгие месяцы жесткого непреклонного правления на заводе, ни постоянное недовольство заводчан, ни неусыпный цензорский контроль над ним Осокина-заводчика, который слыл самым придирчивым и взбалмошным аристократом в этих краях. Сейчас же Матвей с ужасом осознал, что эта заносчивая девица своим соблазнительным обликом явно намеревалась пошатнуть его мир, заставить забыть о совести и разрушить привычный уклад его жизни. Жизни, в которой не было место диким животным инстинктам, которые четверть часа назад, овладев его существом, толкнули его пойти к этой проклятой бане.

– Нет, не будет этого, – бубнил себе под нос Твердышев, широким шагом направляясь вдоль по улице. – Чтоб эта избалованная девица подчинила мои мысли себе, не бывать этому! Я ей не мягкотелый Тоболев...

Из его трубки, оставшейся лежать на едва пробившейся зеленой траве, высыпался тлеющий табак, который некоторое время шаял, а затем поджег пожухлую прошлогоднюю траву. Разгораясь, языки пламени перекинулись на дрова, что лежали у бани. К тому времени Варя уже вернулась в дом и со всеми домочадцами пила чай.

Глава VIII. Пожар

– Батюшка, наш двор горит! – прямо с порога закричала Маша, вбегая в низкую избу.

– Горит? – вмиг упавшим голосом прохрипел Твердышев, вскакивая из-за стола, где сидел за чарочкой со старостой.

– Мамка за тобой послала, – сбиваясь и тяжело дыша, выпалила девочка, – огонь уже баньку жжет, и к дому подбирается!

– Твою... – матерно выругавшись, Матвей на ходу схватил короткий кафтан и вылетел из полутемной горницы.

Никифор Ермолаевич, хромая, так же схватив тулуп, засеменил за Твердышевым, еле успевая за Машуткой, которая, запыхавшись, бежала далеко позади отца.

Припустив по улице, Твердышев спустя пять минут оказался у своего дома. На пожарище, которое было видно еще от дома старосты, уже собрались ближайшие соседи. Подбежав, он увидел, что люди выстроившись в линию, передают воду в ведрах из колодца, что у соседей. Окинув двор взглядом, он заметил Арину и Варю, которые тоже помогали выливать воду на горящие постройки. Сразу же оценив, что баня полыхает, а огонь завладел конюшней, Матвей подскочил к жене, что передавала ведра дальше, и прокричал:

– Кони где?!

Арина, резко обернувшись на громкий голос мужа, закричала в ответ:

– Вывели уже всех, там они! – она указала в сторону, где были привязаны два жеребца, и лошадей.

– Медленно! Вот-вот на дом перекинется! – пророкотал Твердышев, обращаясь к самому себе.

– К нашему колодцу не подойти, там жар прям полыхает! – бросила ему Арина.

– Сейчас, – крикнул в ответ Матвей. С ожесточением скинув кафтан на траву, он в одной рубашке, побежал к дому. Схватив попавшееся под руку ведро, приблизился к колодцу, который находился в опасной близости к горящей бане, и крикнул одному из мужиков:

– Никитий, принимай ведра!

Мужик, что стоял впереди длинной колонны кивнул и проворно подбежал к Твердышеву. Матвей начал черпать ведром из большой деревянной кадки, стоящей рядом с колодцем на улице, которая собирала дождевую воду. Теперь она доверху была наполнена талыми водами и набранной заранее водой из колодца. Опаляемый жаром, Матвей с ожесточением кидал ведро в кадку и, стремительно черпая и поднимая воду, передавал ведро Никитию, а от него получал уже пустое. Спустя минуту между ними встал дед Анисий, который принимал ведра у Матвея и передавал Никитию. Последний бегом делал пять шагов к постройкам и выливал воду на полыхающие конюшни.

К ним подбежала Маша, собираясь тоже помогать отцу. Но Твердышев, весь мокрый от жара, который опалял его лицо и тело, едва завидев дочь, строго прикрикнул:

– А ну ступай отсюда! Соплюшек еще здесь не хватало!

Девочка обиделась и бросилась к матери, которая звала ее.

– Дом с другой стороны горит! – прохрипел кто-то из мужиков.

– Оставьте конюшню, дом спасайте! – закричала Арина, озабоченно глядя, как огонь пожирает боковую часть сруба. Люди переместились чуть правее, оставив Твердышева, Никития и деда Анисия со стороны пылающей бани.

– Матвей Гаврилович, сгорим! – закричал через минуту Никитий, который, даже находясь на расстоянии от колодца, где был Твердышев, уже тяжело дышал от нехватки воздуха. – Уходи, Матвей!

Твердышев успел лишь еще раз поднять ведро, как огонь, перекинулся на другую сторону колодца, с противоположной стороны от него. Громко выругавшись, Матвей отскочил от стремительно полыхнувшего колодца и бросился к другой стороне дома, где были остальные. Заметив Варю и Машутку, которые таскали ведра с водой от еще одних соседей. Он приказал им:

– Без вас управимся!

– Своим занимайтесь, Матвей Гаврилович! – выпалила ему в ответ Варя, передавая ведро Матрене Рушенцевой.

Твердышев сверкнул на нее глазами, вновь отмечая, что эта девица явно не собирается слушать его приказов, ибо слишком самоуверенна.

– Сколько добра-то сгорит! – вдруг запричитал дед Анисий, который бегал от одной стороны дома до другой и все всплескивал руками. – И деньги-то все!

– Да шут с ними, деньгами-то! – раздался окрик Арины. – Все живы и ладно!

– Нет, нет, жалко же. Ведь за печкой столько ассигнаций лежит! – уже громче запричитал дед и в следующий момент бросился к горящему дому.

– Дед Анисий, не смей! – истошно закричала ему в спину Арина.

Матвей обернулся на испуганный крик жены и увидел, как старик исчез в дверях горящего дома. Огонь уже перекинулся на поленницу, что была сложена у входа.

– Зачем полез туда? – зло прохрипел Матвей, видя, как с одной стороны дома огонь уже подобрался ко второму этажу, а с другой приближался к двери.

– Не спасти дом-то! – прокричала Арина мужу в ухо.

– Неужели ничего нельзя сделать? – пролепетала Варя, которая только что прибежала от других соседей и принесла ведро воды.

– Чего раскудахтались?! Замолкните, сороки! – отрезал Твердышев, с ожесточением метая воду на крышу. В шеренге до Матвея была еще дюжина мужиков, которые как можно проворнее передавали воду. Однако огонь не только не утихал, а бушевал все сильнее. – Встань вместо меня, Арина! – скомандовал Матвей. – Я, небось, поболее воды натаסקаю, чем эти художные, – заметил он, намекая на Варю с Машуткой.

Забрав ведра у Вари, он бегом устремился к соседям. Стремительно вернувшись с водой, он вдруг увидел, как Олсуфьева вбежала в дом, который с одного боку уже пожирал огонь.

– Куда, Варвара?! – закричал Матвей, подбегая ближе и ничего не понимая.

– Кошка там ее! – прохрипела Арина, передав очередное пустое ведро.

– Они что, все с ума посходили?! – зло возопил Твердышев, с ожесточением метнув воду на крышу горящего дома, – Анисий выходил?!

– Нет, – отрезала жена, вновь передавая ведро.

Вылив ведра, Матвей не мог заставить себя вновь бежать за водой. Осознание того, что пару минут назад в горящий дом вбежала Варя, терзало его. Горячий пот от жара огня вперемишку с холодным от страха за девушку выступил на его висках. Диким взглядом он глядел на пожарище, пытаясь в блестящих от зарева окнах разглядеть ее стройный силуэт.

– И где эта бешеная?! – прорычал он.

Спустя минуту, не выдержав напряжения, он, матерно выругавшись, бросил ведро и устремился к двери, окутанной дымом, вслед за Варей. Но Арина проворно схватила его за рукав, удержав, и испуганно выпалила:

– Не надо, Матвей!

– Сгорит же! – ошетинился тот, вырывая руку из цепких рук жены.

Быстро подбегав к дому, Матвей резко остановился у крыльца, так как не смог даже приблизиться к двери. В проеме стеной стоял огонь. Ошалев, мужчина попятился назад от полыхающего нижнего этажа.

В следующий миг внутри горящего дома послышался сильный грохот.

– Лестница рухнула! – закричал один их мужиков.

Обезумевший Твердышев смотрел на языки пламени, которые уже поглотили подвал, нижний этаж и уже всю лизали мезонин. Яростная мысль о том, что Варя погребена под рухнувшей лестницей в пожарище, билась в его голове, и ему стало не хватать воздуха.

– Вон она! – раздался истошный крик Арины позади.

Твердышева, оттащив мужа чуть дальше от пламени, указала на окно на втором этаже. Матвей резко поднял голову вверх и увидел девушку, всю грязную от копоти, в проеме окна второго этажа. На руках она держала кошку.

– Кидай! – крикнул Матвей, подбегая к окну. Варенька, не раздумывая, бросила ему сверху визжащее, ошалевшее животное. Он ловко поймал кошку и отшвырнул ее подальше от горящего дома.

– Прыгай! Прыгай! – тотчас громко закричали мужики, подбегая к Твердышеву и размахивая Варе руками.

Не решаясь прыгать с довольно высокого второго этажа, девушка дикими глазами смотрела вниз.

– Прыгай, я поймаю! – закричал Матвей, приблизившись к дому на опасное расстояние.

Огонь был совсем близко и опалил диким жаром его лицо, но мужчина не замечал этого. Он вытянул руки вверх. В этот момент деревянная крыша затрещала, и все увидели, что огонь добрался до конька. Лишь та сторона дома, где стояла Варя, еще не была полностью охвачена огнем. Девушка сильно закашлялась от дыма, который разъедал ей глаза.

– Сейчас крыша рухнет! – крикнул один из мужиков.

– Прыгай, твою мать, говорю! – завопил яростно Матвей, видя, что еще пара секунд – и пламя поглотит девушку. – Сгоришь, дура!

Варя проворно залезла на подоконник и, как можно сильнее оттолкнувшись ногами, прыгнула вперед, закрыв глаза. Она упала прямо на Матвея, и от силы удара он чуть осел на землю.

– Юбку туши! – закричал кто-то, и тут же девушку окатили из ведра ледяной водой.

Через миг Твердышев стащил девушку с себя и, вскочив на ноги, вновь бросился к пожарищу.

Спустя полчаса тушить перестали. Было очевидно, что спасти дом и остальные постройки не удастся. Выгорев полностью, двухэтажный дом еще долго тлел. Оттого, что двор Твердышевых стоял в стороне от остальных, огонь не перекинулся на избы соседей. Немного позже Матвей, обходя пепелище, мрачно шептал:

– Дед Анисий, бедный, как же он так.

Арина, отправив продрогших на весенней прохладе детей в дом старосты, который услужливо предложил погорельцам кров, ходила рядом с мужем и удрученно лепетала:

– Все сгорело. А деньги-то сколько копили.

– Часть серебра в земле же зарыта, Арина, – заметил он в ответ. – Как догорит, я проверю, может, что и осталось.

Глядя на догорающий дом, красными от дыма и пепла глазами Матвей мрачнел все больше. Он почувствовал, что невыносимо болит рука, и осмотрел ее. Левая кисть, чуть опаленная огнем, ныла. Поморщившись, он вспомнил, как схватился за горящий подол Вари, когда ловил ее, и именно тогда и обжег руку. Заметив краем глаза девушку, стоящую неподалеку, он обернулся к ней и быстро приблизился. Мрачно окинув ее взором, он грозно процедил:

– Ну и какого лешего вы в дом полезли?!

Варя подняла на него потерянные глаза, нервно откинув за спину темную прядь распущенных волос, и промямлила:

– Там кошка была...

– Вот истинная своевольница! – прогремел Твердышев. – Жаль, что не сгорела! Надо было вас там оставить, чтоб более неповадно было вытворять такое!

Она в ответ промолчала и отвернулась от горящего недовольного взгляда мужчины. Он сплюнул на землю и вновь направился к догорающему дому.

Зябко кутаясь в шаль, Варя хмурилась и только тяжело вздыхала. Ее деньги, по большей части ассигнации, и пара серег, которые она успела положить в сумку, еще когда они выбегали из загоревшегося дома, пропали. Ведь когда кинулась спасать кошку, поспешив по лестнице вверх, она зацепилась за что-то сумой, висевшей через плечо. И лишь позже, когда уже выпрыгнула из окна, заметила, что вещей при ней нет, видимо, она обронила все в горящем доме.

– К старосте идите, – властно приказал Твердышев, обращаясь к женщинам. – А то уж скоро светать будет.

– А ты, Матвеюшка? – пролепетала ласково Арина.

– Так надо еще тело деда Анисия отыскать. Я позже приду.

– Григорий Петрович! – воскликнул Твердышев, поднимаясь из-за стола. Седовласый надменный дворянин вошел в заводскую контору. – Какими судьбами вы к нам? На новую продукцию приехали посмотреть?

Осокин важно уселся в предложенное управляющим кресло и как-то оценивающе взглянул на Матвея, что стоял рядом.

– Слышал, что дом твой позавчера сгорел.

– Да, – кивнул тот, непонимающе уставившись на Осокина.

– Поджег?

– Вряд ли, – отмахнулся мужчина.

Последние сутки Матвей напряженно думал о пожаре, который испепелил весь его двор, а дом выжег до первого каменного этажа. Уже под утро, когда они с семьей перебрались на ночлег к старосте, в довольно просторную избу с четырьмя горницами, Твердышева вдруг осенило, кто виноват во всем. Он отчетливо вспомнил, как, боясь быть застуканным у бани, уронил трубку, не затушив ее, и стремительно покинул двор. Пожар начался с бани, как сказала Арина, значит, это его табак начал то пожарище. Но не только себя он винил во всем этом происшествии. Именно за-за этой смазливой девки с яркими, словно у кошки глазами, он наделал глупостей и накануне пожара вел себя как полный дурак.

Все эти мысли вихрем пробежали в голове Матвея, но Осокину он лишь сказал:

– Вчера баню топили и недоглядели.

– Ну, понятно, – как-то сухо заметил Осокин.

– Может, чаю, Григорий Петрович? – вежливо осведомился Твердышев.

– Нет, благодарствую. Ты где с семьей остановился?

– У старосты Никифора Ермолаевича. Две горницы нам отдали на время.

– Так вот, – властно заявил заводчик и встал. Устремив испытующий взор на молодого мужчину, Осокин медленно произнес: – Прямо сегодня езжай на мои склады, что у Троицкого завода. Михаил Дементьевич уже предупрежден. Заберешь у него бревна для сруба нового, сколько нужно, ну и других материалов. И дом новый начинай строить. Негоже тебе, моему управляющему, по чужим избам мыкаться. Уразумел ли? Вот деньги возьми, чтобы мужикам работу оплатить. – Осокин вытянул из кармана камзола бархатный кошелек и отсчитал несколько десятков ассигнаций, положив их на деревянный стол перед Твердышевым.

– Григорий Петрович, зачем вы?! – опешил Матвей.

– Ты, братец, не спорь, а дело делай. Чтоб до Купалы новый дом отстроил и переехал. Я сам проверю! – Осокин повернулся и, опираясь на дорожную трость, направился к двери. Твердышев так и стоял у стола, выпрямившись и непонимающе глядя на старого дворянина. Григорий Петрович чуть задержался у двери и, обернувшись, добавил: – Что, как столб, встал-

то? Сказал же, бери телеги, людей и на Троицкий езжай. На три дня освобождаю тебя от работы. Михееч за заводом присмотрит.

Благодаря покровительству Осокина, уже на следующий день Твердышев нашел работников, дюжину мужиков, которые за хорошую плату согласились за месяц справиться ему дом, все хозяйственные постройки, конюшню, баню и часть сгоревшего забора.

Дом старосты был простым и просторным. Жил мужик лишь со старой матерью да двумя собаками. Еще в турецкую войну Никифор потерял ногу и ходил колченогим, оттого, видимо, и не мог найти себе жену. Твердышевым выделили две смежных комнаты: проходную горницу, где стояла печка, да маленькую спальню, которая примыкала сбоку. Девочки и Варенька заняли горницу, так как там было больше места. Дети спали на печке, где было теплее, а девушка сбоку на простой узкой кровати. В маленькой спальне было мало места, и едва поместилась одна кровать для Матвея и Арины.

Оставшись без денег и драгоценностей, Варя впала в уныние и решила, что теперь ей уж точно надо возвращаться домой в Петербург, ибо нечем заплатить за кров старосте и Твердышевым. К тому же вся привезенная одежда сгорела на пожаре. Во всеобщем хаосе Варя успела лишь схватить расческу с заколками, немного белья да пару чулок. Так же остались целыми казакин, подгоревшее платье и белье, что были на ней.

Конечно, можно было отписать отцу в Петербург и попросить денег. Но тогда Андреевский сразу же выяснил бы, где она. Наверняка приехал бы за ней сюда и непременно вернул домой. В этом она даже не сомневалась. Мало того, все бы узнали, что она жила здесь по поддельным документам Варвары Олсуфьевой, а это грозило уже скандалом в полиции, весь все подорожные и документы на проживание здесь были выписаны на другое имя. Потому открывать свое местонахождение перед отцом она не собиралась. Пусть он думает, что она живет в Москве. Письма, написанные рукой Вари, ее двоюродная сестра которая была с ней в сговоре, еженедельно отправляла Дмитрию Григорьевичу, чтобы он был спокоен.

Арина с детьми также не успели ничего вынести из горящего дома. Все уже легли спать, когда загорелась баня. Пожар заметили соседи, которые и разбудили Твердышевых и Варю. Спросонья в спешке Арина накинула на плечи тулуп и, закутав потеплее девочек, выбежала с ними наружу, в тот момент, когда огонь уже пожирал баню. Выскочив на двор, Арина и Варя едва успели вывести из сарая и конюшни животных, которые истошно выли, окутанные серыми клубами дыма. Почти все следующие сутки Арина с Машуткой бегали по селу и ловили сбежавших свиней да уток, которые за ночь разбрелись невесть куда.

Бабка Евгения, мать старосты, оказалась довольно гостеприимной и весело приговаривала, что теперь с новыми жильцами ей легче будет управляться с хозяйством и с живностью.

Уже на следующий день Варя с удрученным видом заявила Арине, что ей, видимо, надо возвращаться в Петербург.

– Отчего же? – удивилась Арина.

– Так денег у меня больше нет, а из милости жить не хочу. Придется вернуться к отцу.

Арина нахмурилась, как будто размышляя над чем-то, и спросила:

– Варвара Дмитриевна, вы ведь не хотите уезжать?

– Конечно же, нет, – вздохнула девушка. – Я пока ничего не сделала для брата. А без него мне в столице горестно будет.

– Да, да, я понимаю. Знаете, что я подумала. У меня в мастерской дел невпроворот, и не успеваю я ничего. Уже давно прошу Матвея, чтобы к нам в дом девушку в помощь взять. Вы только не обижайтесь. Вот ежели бы вы согласились, Варвара Дмитриевна, помогать мне по хозяйству. Да и делать-то не особо много. Живность накормить, прибрать в доме да еду сготовить. Ну и за детьми присмотреть. А то мне неудобно в обед домой бегать, чтобы всех накормить. А за помощь вашу будете жить у нас. Как вам такое предложение?

– Я даже не знаю, – замялась Варя.

Работа по дому, конечно, не была ей противна, но и не сильно прельщала. Все же она была дворянка, а не какая-нибудь деревенская девка. Но сейчас, здесь, в глуши, она явно должна была как-то приспособливаться, раз у нее не было денег для дальнейшего проживания. Оттого предложение показалось ей весьма заманчивым. Гораздо лучше было остаться здесь и помогать Арине, чем вернуться домой и забыть свою мечту остаться рядом с Олсуфьевым. Варя, выросшая в роскоши, лишь опасалась, что не справится. А насчет того, что по статусу ей не положено мыть полы, она даже не переживала. Вряд ли в Петербурге об этом станет известно, а если и так, все равно в это никто не поверит. Потому она, уже почти решившись, неуверенно сказала:

– Но я никогда не мыла полов и готовить едва умею. А скотину вообще боюсь.

– Это дело нехитрое, – воскликнула, всплеснув руками, Арина. – С уборкой вам Машутка все покажет, да и я. А живность только покормить надо будет раз в день. Утром и вечером я сама. Я научу, чем и как. Коров и коз я сама поутру да вечером подою. Да и девочки вам в помощь будут.

Варя, которая весь последний день печалилась о том, что ей, видимо, придется уехать, воодушевилась и согласно закивала, благодарно улыбаясь Арине:

– Спасибо вам, Арина Афанасьевна. Что бы я без вас делала? Уже не в первый раз вы помогаете мне. Если бы Матвей Гаврилович согласился, я бы хотела остаться и помогала бы вам по хозяйству.

– Я с Матвеем поговорю, – кивнула Арина. – Рада, что вы решили остаться, Варвара Дмитриевна. А насчет сгоревшей одежды не беспокойтесь. Я уже говорила с Матвеем, на следующей неделе в Кунгур съездим, купим, чего надо. Ведь не все сгорело. Часть серебра, та, что Матвей в земле зарыл, цела осталось. Правда, на выкуп доли копили, но теперь уж что поделать, коли беда случилась.

На удивление Арины, Твердышев согласился сразу. Однако, ехидно оскалившись, он как-то подозрительно поинтересовался:

– И что ж, Варвара Дмитриевна будет полы мести и кур щипать?

– А что, она согласилась, – ответила жена. – Видать, очень ей с братцем здесь остаться хочется. А без денег ее вряд ли кто из заводских примет на постой. Нам же все равно девушку в помощь надо. Знаешь же, что разрываюсь я между мастерской и домом.

– Будь по-твоему, Ариша, – произнес Матвей.

Все последние дни, опечаленный пожаром, Твердышев даже не думал о том, что Олсуфьева может уехать из поселка. Сейчас же когда женщины все уже решили между собой, он был только рад, подумав, что теперь, живя у них из милости, за еду и одежду, спесь эта великосветская девица поубавит.

Глава IX. Каторжник

В то субботнее утро Матвей вынужденно задержался в доме старосты из-за внезапно порвавшихся стремян. Зайдя в дом, чтобы поменять их, он заметил, как Варя неумело затапливает печь.

– Надо сначала мелкие поджигать, – ехидно заявил мужчина. – А от них и остальные дрова разгорятся.

– Вот вы бы и показали, Матвей Гаврилович, как надо, – ошетинулась Варя, оборачиваясь к нему.

– Покажу, – по-доброму кивнул он и, подойдя печи, присел на корточки. Проворно переложив дрова, он умело разжег огонь.

– Спасибо, – ответила тихо Варенька.

Твердышев выпрямился, пронзительным взглядом прошелся по ее лицу и лишь спустя минуту отвернулся. Быстро собравшись, он вышел наружу, нахлобучив на темные волосы картуз.

Никому ни слова не говоря, уже через два дня бабка Евгения сшила всем погорельцам по чистому новому платью. Даже Варе, которая, по мнению старушки, никогда не носила деревенской одежды, она постаралась и выправила длинную черную юбку в пол и светлую кофточку. Подобную одежду в поселке носили лишь дочь купца и жена воеводы. Варя, довольная, поблагодарила старушку, ибо ей досталась хоть и простая одежда, но все же не сарафан и понёвка, которые поголовно носили местные женщины.

Все последующие дни Матвей пропадал на заводе, уходил засветло и приходил под ночь. Молча съедал ужин и, перекинувшись со старостой парой слов, ложился спать.

Успокоившись насчет жилья, довольная девушка с воодушевлением взялась выполнять работу по дому. Бабка Евгения оставалась с Варей и девочками в избе на весь день. Будучи в преклонных летах, мать старосты почти не передвигалась и, все время сидя в горнице или на улице, вежливо наставляла девушку в том, что следует сделать.

В один из дней Варя под присмотром старушки решила состряпать пирог. Девушка как раз положила слепленную сдобу на лопату, собираясь ставить в печь, как бабка Евгения важно заметила:

– Вы, Варвара Дмитриевна, голубушка, сначала дрова чуть сдвиньте, чтоб не так жарко было, а уж потом пирог ставьте, а то сгорит.

– Хорошо, бабушка, – закивала Варя, стараясь сделать так, как говорила старушка.

Она очень хотела остаться и оттого с усиленным рвением пыталась научиться всему, чтобы быть полезной. Но едва поставила пирог в печь и устало выпрямилась, как у нее сильно закружилась голова. Решив, что начался приступ, она уже вознамерилась выйти на двор подышать, но не смогла. Силы оставили ее, и она медленно опустилась на лавку. Бабка Евгения, увидев, что с девушкой что-то не так, посеменила к Варе и, приложив сухую руку к ее лбу, сказала:

– Да у тебя жар, дитятко. То-то я смотрю, с утра ты больно бледная ходила. Ты приляг, отдохни.

– Сейчас пройдет, – испуганно залепетала Варя и попыталась выпрямиться, ощущая, что перед глазами все плывет от резких движений. Она устало привалилась к деревянной стене и только тут почувствовала, что горло, которое с утра лишь немного саднило, горит огнем.

– Иди, ляг, полежи, послушай старуху, – вновь заметила бабка Евгения.

– Надо щи доварить еще.

Но старуха властно велела:

– Сама все сделаю, иди ложись!

Варя, ковыляя, добралась до постели. Едва она прилегала, как сразу ощутила, что веки закрылись, и она мгновенно провалилась в глубокий тяжелый сон. К вечеру девушка впала в беспамятство. Вернувшись из мастерской Арина, подойдя к больной, испуганно заметила:

– Она горит вся, бабка Евгения.

– Наверное, надо за знахаркой сходить, – предложила та в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.